

Андрей Кокоулин

Возвращение в Пустов

Андрей Кокоулин

Возвращение в Пустов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425175

ISBN 9785449381118

Аннотация

Повесть. Философская фантастика. Магический реализм. В пятый раз он отправлялся в Пустов, надеясь все изменить. В пятый раз с упорством самоубийцы он садился в поезд, стараясь забыть прежние свои неудачные попытки. В этот раз, думал он, получится.

Возвращение в Пустов

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2018

ISBN 978-5-4493-8111-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В вагоне было накурено и холодно.

Ни белья, ни матрасов. Ревели дети. Какие-то тетки с тюками тряпья мотались туда и сюда по проходу, все время заставляя Шумера отклоняться и толкать плечом в плечо соседа справа. Сосед, худой высокий мужчина в плаще и с «дипломатом» на коленях, каждый раз болезненно морщился и несколько секунд потом играл желваками, словно сдерживал в себе желание вскочить и дать в морду.

Вслед теткам неслась ругань, но те лишь злобно отбранились.

Кроме табака пахло потом, мокрой кожей и рыбой, а еще вонючими обедами, которые для кондиции требовалось лишь залить кипятком. Пряный химический дух наплывал то слева, то справа, и Шумер, сглатывая слюну, закрывал глаза. В темноте успокаивать желудок, протестующий и согласный давиться даже этой химией, было почему-то легче.

– А мы валетика!

За откидным столиком у окна играли в «тысячу».

Играли втроем. Плотный, с бульдожьим лицом мужчина в кургузом, идущем складками пальто и шустрый, востроносый малый в пиджаке поверх водолазки и в кепочке, прижавшей рыжие волосы, изображали незнакомых друг другу попутчиков. Они сидели наискосок от Шумера, и он примечал, как у них виртуозно получается координироваться. Как бы невзначай цепляя карты, порхали пальцы, скрещивались, складывались в зыбкие знаки.

А глазом – ни-ни.

– Пиковый марьяж! Значит, пики – козыри, граждане!

Третьим игроком был хорошо подстриженный парень лет девятнадцати-двадцати, пытающийся выглядеть взрослым. Румянец азарта плясал на его щеках. Одежда – джинсы и кожаная куртка, из рукава которой выглядывает манжет дорогой рубашки. Шелковый пижонский шарф обернут вокруг шеи. Шумер так и не понял, как его занесло в общий вагон. Впрочем, кажется, никаких других вагонов в составе и не было.

Все равно странно.

– Кто ходит?

– Твоя ходка, парень.

– Тогда по бубям.

Щелкнула, ложась, карта.

– Вот ты ушлый!

Рядом с парнем, подобрав под себя ноги, сидела одного с ним возраста девчонка. Юбка в косую полоску. Короткое пальто. Уткнувшись спутнику в плечо, она с закрытыми глазами слушала плеер. Лицо ее было симпатичным, умело накрашенным, но Шумеру казалось пустоватым. То ли из-за того, что он не мог увидеть ее глаз, то ли из-за того, что она жевала. Челка светлых волос падала на лоб.

Тук-тук – выбивали колеса на стыках. Тук-тук. Челка покачивалась в такт, кончиками волос задевая ресницы.

– Все!

Парень, улыбаясь (видно было, как внутри его просто-таки распирало от победы), собрал последнюю «взятку». Рыжий малый досадливо ткнул в плечо мнимого незнакомца-соучастника:

– Слышь, везет человеку!

«Бульдог» поморщился:

– Ладно, считаем! Кто сколько объявлял?

За мутным от грязи окном проскочили домики, и снова потянулись леса и поля, прореженные линиями электропередач, деревеньками или отдельными, непонятного назначения зданиями, подходящими чуть ли не вплотную к путям.

Склады? Какие-то железнодорожные строения вроде депо?

Шумер этого не знал. Тем более, часть утягивающихся за окно зданий выглядели брошенными в процессе строительства.

– Так, у меня – сто шестьдесят!

– А, это с бубновым марьяжем, что ли?

– С ним. Плюс пиковый в самом начале, – радовался парень.

– Это тебе повезло, честное слово, – уныло почесался рыжий. – Фарт прилип к руке. А у меня, значит, два короля и две десятки. Пишем, да?

– Пишем, – кивнул «бульдог» и вывел шариковой ручкой на тетрадном листке новые цифры. – У тебя всего двести двадцать. У Вячеслава – семьсот. Ну и у меня – триста шестьдесят. До тысячи, собственно, всего-ничего чесать.

По проходу пробежал голопопый ребенок в маечке. Ребенок визгливо хохотал, за ним – «Сейчас поймаю! Ай, поймаю!» – протопала дородная мамаша.

Худой сосед с «дипломатом» болезненно среагировал и на нее.

– Вы можете потише? – произнес он, наклонившись.

– Постараюсь! – обернулась мамаша.

Сосед выпрямился, убрал локоть, поставленный Шумеру на бедро.

– Извините.

– Голова? – спросил Шумер.

– Она самая.

Сосед попытался улыбнуться, но, видимо, от приступа боли уголок губы пополз вниз.

– Ой, а возьмите анальгину, – свесилась с верхней полки

рука.

На ладони белел кружок таблетки.

– Спасибо, анальгин не помогает.

Рука повисела и утянулась обратно.

– Как знаете.

– Простите. Я могу попробовать.

Шумер развернулся к соседу и чуть исподлобья посмотрел в измятое морщинами лицо. Отметил высокие скулы и желтоватую кожу. Недельная щетина была похожа на серую пену. Издерган. Измучен. Какая-то внутренняя борьба.

– Руку можно? – спросил Шумер.

– Зачем?

По лицу соседа скользнула гримаса. Он уже видел в Шумере мошенника и выжигу, который только и ждал подходящего случая, чтобы поиметь профит с легковерного пассажира. Знаем, знаем, читалось в его больных глазах, подсаживаются такие на свободные места, уши торчком, сболтнешь лишнего, а перед тобой уже специалист нужного профиля, истово желающий безвозмездно поучаствовать. Хочешь, строитель, хочешь, юрист, хочешь, человек со связями, помогающий решать любые проблемы.

Или вот врач.

Наверное, и средство чудодейственное припасено, в жестяной, для солидности, коробочке. Пилюлька какая-нибудь. Последняя. Которую можно оторвать от сердца за двести или триста рублей.

Впрочем, Шумер признавал, что в немалой степени сам способствует такому отношению к себе. Он отправился в Пу-стов спонтанно, в чем был. Родные места позвали его, и он поехал, к счастью, обнаружив в карманах старого пальто достаточно денег на билет. Не хватило денег, пошел бы пешком. Ему не составило бы труда.

Но раз поезд – то что ж, поезд.

А большой город – Бог с ним. Не повезло. Да и должно ли было? С самого начала как-то не сложилось. Почему б не вернуться?

Расстались легко.

Конечно, человек без вещей, в темных, в мелкую полоску, мятых брюках, желтой футболке и пальто, да еще и слегка побитый, симпатий в поезде вызывать не будет. Шумер это понимал. Но куда от себя денешься?

– Я должен пульс ваш проверить, – сказал он соседу.

– Вы уверены?

– Да, – сказал Шумер.

– Чё, доктор что ли? – перегнулся к нему рыжий в кепочке. Пихнул в плечо, подмигнул крыжовенным шулерским глазом.

– Почти.

– Может и меня потом посмотришь?

– Коля, ты в игре? – одернул рыжего «бульдог». – А то я раздал.

– Не фартит же.

– Значит, Вячеслав с нас поимеет.

– Ну, не, как это поимеет? Мы еще поборемся.

Рыжий подсел к столу.

– Может, это, ставочки поднимем?

Гремя собранными стаканами, прошла проводница – грудастая женщина с невыразительным, неумело покрашенным лицом. В поджатых губах ее прятались раздражение и недовольство. Шумер мельком подумал, что она ненавидит свою работу. Найдется жертва, на ней проводница и выместит эту ненависть. Что тут думать?

Хлопнула дверь. Протянуло холодом по ногам. Оббивая углы полук гигантских размеров сумкой, по вагону потащилась очередная тетка, перетянутая платками, как пулеметными лентами.

– Ганна! – позвали ее обратно. – Ганна, звертайся!

– Шо?

– Звертайся!

Бум! Бум! Сумка поприветствовала Шумера, царапнув затылок. Тетка, потоптавшись, пропала в проходе. Снова зашлепали карты.

– По крестям!

– Так что? – спросил сосед.

Опустив глаза, Шумер увидел протянутую к нему руку, смятый к локтю рукав плаща, обнажившуюся кожу.

– Извините, я просто...

Шумер окольцевал большим и указательным пальцем чу-

жое запястье. Пульс у соседа был торопливый, галопирующий. Куда спешит? Он слегка надавил.

– Двадцать семь минут.

– Что? – не понял, наклонился сосед.

– Через двадцать семь минут боль пройдет, – сказал Шумер. – Можете засекаать.

– И все?

– А что еще? – удивился Шумер.

Сосед отпустил рукав.

– Как-то вы странно... – он мельком взглянул на часы. Его худое лицо на мгновение вновь скомкала болезненная гримаса. – И что... денег не надо?

– Нет, – улыбнулся Шумер.

– А червовый марьяж! – донеслось от столика.

Рыжий выложил даму и загоготал.

Сидящий напротив Шумера полный мужчина, до того посапывающий и причмокивающий во сне, в пуховике, в джинсах, с пакетом в ногах, вскинулся, вытаращил глаза:

– Что, уже приехали?

– Сиди, дядя! – сказал ему рыжий.

– А Пустов? – принялся крутить головой тот.

За окнами тянулся лес, подступающий к железнодорожной насыпи, темный, перепутанный, не хоженный. Ель, береза, ель, ель, ель. Лишайные ветки. Густая хвоя. Скакали столбы, провешивая провода. Проскочила серая будочка, блеснула стеклом.

– До Пустова еще три часа, – сказал Шумер.

– А-а.

Полный мужчина успокоился и, опустив голову на грудь, засопел снова.

– А мне, значит, ждать до трёх? – спросил худой сосед.

– Да, – кивнул Шумер. Он поднялся. – Двадцать семь минут. Уже меньше. Подержите место?

– Конечно.

Вагон был набит битком.

Общий. По три, по четыре человека на нижних полках. На верхних – относительный, но комфорт. Хрипело радио. Пятки лежащих наверху норовили засадить в лоб.

Где-то спали, где-то пили. Звякали ложки, мялась пластиковая тара. В дальнем конце затухал детский плач. Вповалку лежало на мешках азиатское семейство – тубетейки, косички, длинные платья, широкие штаны, разбери где кто. Все имущество перевозили что ли? Беженцы? Или просто переселенцы?

Впереди как назло встала старушка в ситцевом халатике, и Шумеру пришлось волочиться за ней до купе проводников. Старушка, прижимая к груди цветастое полотенце, прошла дальше, к туалету.

– Закрыто! – крикнула ей проводница.

– Но как же?

– В конце вагона, идите туда.

Шумер отступил к бойлеру, пропуская старушку обратно.

- А вам чего? – спросила его проводница.
- Чаю, – Шумер раздвинул губы в улыбке.
- Десять рублей.

Проводница подала ему стакан.

Шумер зазвенел карманной мелочью, собирая ее в кулак. За его спиной, покашливая, кто-то вышел в тамбур. Стук колес на мгновение сделался громче.

– У меня всего шесть, – сказал Шумер, пересчитав монеты на ладони.

- И что? – посмотрела на него проводница.

Один глаз у нее был красноват.

- Вы не сможете продать чай за шесть? – спросил Шумер.

Проводница, едва сдерживаясь, скрипнула зубами.

- Кипяток бесплатно.

– Нет-нет, – мотнул головой Шумер. – Мне именно чай. И, если можно, с сахаром. С двумя пакетиками. А то один, простите, ни о чем.

- За шесть рублей? – уточнила проводница, багровея.

- Больше-то нет, – улыбнулся Шумер, протягивая мелочь.

Бум-м! – монеты взлетели и просыпались на пол.

- Вон!

Минут пять проводница отводила на Шумере душу, а он стоял, опустив виновато лысеющую голову и поджимая пальцы на ногах от колких, отпущенных в его адрес выражений. Ему думалось, что он успел очень вовремя. Бог знает, на кого бы вылилось столько накопленной злости. Какой-нибудь

сосудик в мозгу – раз! – и лопнет.

Нет, очень хорошо, что все ему досталось.

– Простите, – сказал Шумер, почувствовав, что проводница выдохлась, и взял из ее пальцев стакан. – Раз нельзя, я кипятка налью.

На свое место он вернулся довольный.

– Это на вас кричали? – спросил сосед с «дипломатом».

– Ага, – улыбнулся Шумер, присаживаясь на краешек.

Стакан в подстаканнике пыхал паром.

– Ну, ты – чума! – сказал рыжий в кепочке. – Такой концерт! Всем вагоном слушали. По вашим, так сказать, просьбам. Чем это ты ее довел?

Шумер пожал плечами. Девчонка, спутница паренька-мажора, выдула розовый пузырь жевательной резинки.

– Вы дядечка сумасшедший, да?

Она посмотрела на него бесхитростными голубыми глазами.

– Нет, – ответил Шумер. – Я чаю просил.

Рыжий фыркнул.

– Смотрю, обломался.

– Зато вот, кипяток, – Шумер приподнял стакан.

Он, обжигаясь, хлебнул. Вкус у воды был кисловатый, какой-то вываренный. Эх, пожалела пакетик женщина.

– Голова пока болит, – наклонился сосед, приложив ладонь к виску и уху. – Правда, меньше уже, но болит.

– Ф-фуу, – Шумер подул на воду. – Так время, кажется,

не вышло еще.

– Наверное.

– Значит, пройдет.

За окном замелькали цистерны стоящего на соседних путях состава. Частью они были желтого цвета, частью черного, жирно-нефтяного.

– Вот оно, наше богатство, – сказала, указав на цистерны, женщина, проходящая мимо с упаковкой «доширака». – Все прикармливали, а нам – шиш!

У нее было костистое лицо с маленьким подбородком. Под длинной, растянутой серой кофтой и футболкой с застиранным портретом Распутина пряталась худая грудь. Парень покосился на нее, сдвинув карты.

– Ну и идите себе, – сказал он раздраженно.

– Я-то пойду, – закивала женщина. – А управы нет. Где управа? Тут последние копейки считаешь, а они вон, все за границу гонят.

– Ну не мы же, – подал реплику «бульдог» и, подпернув пальто, быстро и незаметно обменялся картами с рыжим.

– А бог вас знает, – сказала женщина.

– Дура, – заметил парень, когда обладательница маленького подбородка и худой груди скрылась за перегородкой.

– Не-ет, в чем-то она права, – протянул его соперник. Щелкнула карта. – Где мы, где богатство? Объявляю: крести-козыри.

– Блин!

На объявленную даму легла десятка пик.

– А ты думал, мы тут под пики гнилые станем прогибаться? – усмехнулся мужчина.

Он с наслаждением поскреб щетинистую шею.

– Мне вот тоже не комильфо, – сказал рыжий, сбрасывая козырного валета.

Через две взятки был объявлен бубновый марьяж, и обыгрываемый парень едва не опрокинул бутылку с минеральной водой.

– Да блин!

– Меня тоже раздевают, – пожаловался рыжий.

Поезд принялся притормаживать, медленно утянулась за край окна табличка, которую Шумер так и не успел прочитать.

Метров через пятьдесят они встали окончательно. Прямо напротив вагона уходила от насыпи вдаль широкая и заросшая голыми кустами просека. За просекой просматривались, голубея, холмы, вырастающие один выше другого.

Скоро, подумалось Шумеру.

– Еще ставки поднимем? – спросил парень, когда партия закончилась. Он закопался во внутренностях куртки, выуживая пухлый бумажник. – Еще на две сотни?

«Бульдог» и рыжий переглянулись.

Две коричневые бумажки прибавились к горке разноцветных купюр, сложенных на книжном развороте «Острова сокровищ».

Шумер подумал, что книга обретает ценность, сопоставимую с названием.

– Не, это, конечно, здорово, – почесался под кепкой рыжий, – но шаг больно уж большой. Я ж бруса на дом купить должен. Как я без бруса?

– Дим, Дим, ты чего? – толкнула парня девушка.

– Отстань! – отпихнулся тот.

Шумер видел, что возможность крупного выигрыша полностью захватила его. Вот глупец, подумалось ему.

– А я, пожалуй, поддержу нашего молодого соперника, – сказал «бульдог». Он завоzilся, доставая из заднего кармана брюк несколько скомканных сотенных купюр. – Одна, вторая... – отсчитал он. – В конце концов, надо уважить юношеский пыл. Тем более, что по очкам я почти сравнялся.

– Вот куда вы меня втягиваете? – огорчился рыжий.

Поводив глазами по вагонному пространству, он устался на Шумера.

– Нет лишнего полтинничка, доктор?

– Я не доктор, – сказал Шумер.

– Ну, да, оно видно, – скривился рыжий, смерив его профессиональным взглядом. – Одежка не канает.

Он отвернулся к стенке, прикрываясь от чужих взглядов полой пиджака и спящим соседом. Задетый словами Шумера вытянул ноги в красно-белых кедах в проход. Правда, их тут же пришлось убрать перед направляющимся к бойлеру не совсем трезвым пассажиром в тренировочных шта-

нах «адидаас» и в тельняшке. Пассажира штормило. Ложечка в его стакане истошно звякала всю дорогу и успокоилась только в конце пути.

«Бульдог» принялся лениво тасовать карты. Дима повернул лист с записями к себе, и палец его запрыгал от строчки к строчке.

– У вас всего пятьсот двадцать пять, а у меня – семьсот тридцать.

– Значит, шансы у меня еще есть, – сухо сказал «бульдог».

Карты прыгали из ладони в ладонь, будто дрессированные блохи.

– Все! – рыжий бросил на «Остров сокровищ» четыре пятидесятирублевых купюры. – Больше не поднимаем!

– Почему это? – через губу удивился Дима.

Шумер подумал, что он, наверное, видится себе очень успешным и везучим. В богатых семьях с единственным ребенком такое случается. Особенно, если исключительность ему в голову родители начинают вбивать сизмальства.

Что он все-таки делает в общем вагоне? – задался вопросом Шумер. Сбежал из-под присмотра? Разбил семейную кубышку и махнул с любимой куда глаза глядят? Я бы вот поостерегся на его месте.

– А потому, – недовольно сказал рыжий Коля, поднимая предложенную колоду, – что я по счету играю чисто на интерес. Вам двоим хорошо, а у меня форта сегодня нет. Один червовый марьяж за всю игру! Спрашивается, с какой стати

мне деньгами трясти?

– С такой, что это игра на деньги.

– Ага, откровение Иоанна просто. Стих девятый.

– И что там?

– А я откуда знаю?

Разговор заглох. «Бульдог» раздал карты, три легли в прикуп. Торговались недолго, закончив на объявленной Димой ставке в сто тридцать пять очков. Посмотрев карты прикупа и пошевелив губами, Дима поднял ее до ста пятидесяти.

– Опять с марьяжем, сука, – сказал восхищенно рыжий.

Слева, погромыхая и свистя, пролетел короткий состав, семь или восемь вагонов, белые занавески, золотистые буквы. Через несколько секунд и их поезд наконец дернулся и покатил, набирая скорость.

– Вы знаете, – наклонился к Шумеру сосед, – а голова-то прошла.

– Я вам говорил, – сказал Шумер.

– Я, правда, не был уверен, но вот, не болит.

– Я засекал, – рыжий Коля, похоже, умудрялся следить не только за игрой. – Двадцать семь минут, как с куста.

– Извините, – торопливо закопался в недрах плаща сосед, – я могу вас как-то...

Шумер улыбнулся.

– Не стоит. Ваша голова прошла сама.

– Как?

Рука соседа застыла за пазухой.

Вид у него сделался недоверчиво-задумчивый. Будто он соображал, где его хотят обмануть, и не находил подвоха. Косая складка возникла у него над переносицей.

– Вы сами себя вылечили, – сказал Шумер. – Я только слегка подтолкнул процесс.

– Это какая-то методика?

Шумер качнул головой и отмолчался. На губах его появилась легкая улыбка. Он снова отхлебнул из стакана.

– Не, ты доктор! – нашел момент, чтобы хлопнуть его по плечу рыжий Коля. – Фокусник-иллюзионист!

– Ходи, – толкнул напарника «бульдог».

– Я? – делано удивился Коля. – Это моя взятка была?

– Ага, две девятки.

– Это которая с валетом?

– Да, ходите уже, – нетерпеливо сказал Дима.

– Ты не спеши, не спеши.

Коля наморщил лоб, постучал пальцем по одной карте, по другой, видимо, показывая «бульдogu», с какой масти пойдет.

– А, поехали!

Рука его взмыла в сабельном замахе.

Шмяк!

Шумер смотрел, как шлепаются карты, как Дима радостно сгребает взятки, совершенно искренне полагая, что ему действительно везет. Он раскраснелся и потискал свою подругу, которая от неожиданности, вскинув ногу в черном чулке,

чуть не заехала в грудь сидящему рядом соседу с «дипломатом» сапожком со стразами.

Взгляд рыжего Коли метнулся девушке под короткую юбку.

– Дима!

Спутница мажора соскочила с полки.

– Чаю принеси, – сказал Дима. – Не злись, пупсик.

– Сам ты пупсик!

Рыжий Коля гоготнул.

– А вы тоже! – Девушка наставила на Колю розовый крашеный ноготок.

– Николай, – представляясь, стянул кепку тот, – Николай Алексеевич.

– Чаю, Людочка, – хлопнул подругу по удачно подставленной попке Дима.

– А лавэ? – под фыркание рыжего развернулась она.

Полы короткого пальто разошлись, и взгляду Шумера и его соседа предстала полупрозрачная розовая блузка с Микки-Маусом. Уши Микки-Мауса старательно прикрывали грудь, но не могли скрыть отсутствие на ней лифчика.

Худое лицо соседа треснуло улыбкой.

– Что? – уперев руки в бока, посмотрела на него девушка.

Микки-Маус слегка смял ухо, открыв пятнышко соска.

– Ничего, – сказал сосед, – извините.

– Сиськами светишь, – сказал Дима, подавая Людочке пятьдесят рублей.

– Чего? – наклонилась к нему девушка.

Дима сбил проводок наушника.

– Светишь сиськами, говорю.

– Кому хочу, тому свечу, – огрызнулась девушка.

– Все бабы такие, – авторитетно заметил рыжий Коля, когда Людочка направилась за чаем. – Сиськи есть, ума не надо.

– Да мы так, друзья, – сказал Дима.

– Мне бы такого друга, – мечтательно сказал Коля. – Может, поставишь ее?

– Куда?

– На кон.

– Не, вы че? – мотнул головой Дима. – Она ж как-никак близкий человек.

– И чем ты рискуешь? – Коля заглянул в тетрадный лист. – У тебя уже восемьсот восемьдесят. Тебе сто двадцать набрать – и ты в шоколаде.

– Да, молодой человек, – кивнул «бульдог», – вы, так сказать, сидите на «бочке». Но я бы тоже не стал ставить девушку по желанию этого рыжего негодяя.

– Я – негодяй? – тут же взвился рыжий. – Дядя, ты кто? Ты кто, дядя? Что ты мне непонятные предъявы кидаешь!

– Заносит вас, Николай Алексеевич, – проскрежетал «бульдог».

– Дак а чо? – сказал, тут же сбавляя тон, Коля. – Я же не навсегда. Пять минут в тамбуре и готово. Можете засекать. – Он с ухмылкой стукнул Шумера по колену. – Понял,

доктор? У меня тоже как в аптеке.

Шумер улыбнулся.

– Я не доктор.

– Заливай давай!

– В общем, – сказал «бульдог», обращаясь к Диме, – на счет девчонки ты не слушай, но ставочку я бы на твоём месте поднял. Чтобы вот этому уродцу похотливому, – кивнул он на соседа, – жизнь малиной не казалась.

– А вам это зачем? – проснулась наконец подозрительность в Диме. – Вам же тоже повышать придется.

– Эх, молодо-зелено.

«Бульдог» надвинулся, подался вперед и стал вдруг удивительно похож на Жана Габена, только с короткой стрижкой. Грубое лицо его тенью отразилось в стекле. Он кинул карточную колоду притихшему напарнику.

– Скажу тебе, Дима, так, – сказал он негромко, глядя на проносящиеся за окном перелески. – Деньги – самое ничемное человеческое изобретение. Они дают иллюзию всемогущества, выступая мерилем жизни.

– Но так и есть, – сказал Дима.

«Бульдог» хмыкнул.

– А вот и я, – появилась с двумя стаканами в подстаканниках Людочка. – Какой-то жуткий поезд, почему-то битком.

– Других нет, – сказал сосед с «дипломатом». – Каждый четверг есть самолет, но там совершенно запредельные цены.

– Нам, наверное, надо было самолетом, – сказала Людочка, пробираясь через ноги Шумера. – Правда, Димчик?

Чай в стаканах так и норовил выплеснуться. Шумер решил относиться к этому как к фатуму.

– Осторожнее!

Сосед с «дипломатом» поддержал Людочкину руку.

– Извините. Ф-фух!

Людочка шлепнулась на сиденье. Чай все-таки закапал.

– Ай! Дим, ну что ты молчишь? – поставив стаканы на столик, Людочка затрясла пальчиками. – Скажи!

– О чем? – спросил парень, на мгновение отвлекаясь от подсчетов на листке.

– О самолете. Подуй! – подставила она ладонь.

Дима – краем рта – подул.

– Ну и зачем вам самолет? – заулыбался рыжий Коля, тасуя карты. – Здесь такая компания, такая атмосфера...

– Вот-вот, – сказала Людочка. – Пахнет так, хоть в окно с головой. Особенно семейка этих, чучмеков, через два купе...

– Да ладно тебе.

Дима поймал в пальцы изогнутую ручку подстаканника.

– Ага, они там разлеглись на своих мешках, то ли семья, то ли целый аул скопом. Осла еще не хватает!

– Не доставай, – скривился Дима и отхлебнул чай. – Блин, не сладкий!

– Я высыпала пакетик! Честно!

«Бульдог», привстав, попытался приоткрыть окно.

– Сейчас мы немного проветрим...

Лицо его напряглось. Короткие пальцы побелели. Но оконная рама стояла намертво, и человек ожидаемо проиграл.

– Зараза!

Раздраженный «Бульдог» сел обратно.

– Только боковые окна открываются, – сказал сосед с «дипломатом». – И то не все. В начале и в конце вагона.

– Суки, – оценил «бульдог» железнодорожное начальство.

Коля дал ему поднять колоду.

– Вы это... – кивнул он на столик. – Стаканы-то уберите.

Игра простор любит.

Дима подал стакан Людочке.

– Чего поставила? Пей!

– Не хочу! – надула губы девушка.

– Зачем купила тогда?

– Затем!

– Женская логика! – хохотнул Коля.

– Может, вы хотите? – протянул стакан соседу с «дипломатом» парень.

Тот качнул головой.

– Спасибо. Я стараюсь не пить в поезде.

– А у меня уже есть, – сказал Шумер.

Рука опустилась с верхней полки, растопырила пятерню.

– Я могу выпить, – сказал невидимый пассажир.

– На!

Стакан ткнулся в пальцы и уплыл наверх, позвякивая ложечкой.

Поезд замедлил ход. Мимо с пакетом, полным яичной скорлупы, прошел длинноволосый парень в драных джинсах.

– Так мы поднимаем или нет? – спросил Дима, приобнимая Людочку.

Та пихнула его локтем. Дима прижал девушку сильнее.

– Ты посмотри, сколько мы можем выиграть! – зашептал он ей. – Посмотри! И на платье, и на туфли тебе.

– А сколько проиграть? – не согласилась Людочка.

Шумер неожиданно подумал, что девушка вовсе не глупа и прагматична.

– Барышня, – скупно улыбнулся «бульдог», – я тут рассказывал вашему молодому человеку, что деньги не могут сделать человека счастливым.

– Могут! – возразила Людочка.

Рыжий Коля ел глазами Микки-Мауса на ее блузке.

– Не знаю, – сказал «бульдог». – Но сам я проигрышу несколько не огорчусь. Что деньги? Ты живешь, ты дышишь. Это ни за какие деньги купить нельзя. И опыт. Как купишь то, что каждый пропускает через себя? Поражение – это что? Это возможность подняться в будущем. Ты уже знаешь, как и что может быть. Стоит это полутора тысяч? Я считаю, что вполне.

– Плюс хорошая компания, – добавил Коля. – Хотя мне моих денег будет жалко.

Раньше Шумер думал дожидаться кульминации, чтобы напарники раскрутили мальчишку на безумную ставку в долг и поманили последним коном, где рыжий Коля (вот неожиданность!) сорвал бы «банк», но теперь решил, что можно и сейчас.

– А я согласен, – услышал себя Шумер словно со стороны. – Согласен с девушкой.

В определенные моменты он ловил себя на том, что раздваивается, и часть его превращается в немого зрителя, бесстрастно фиксирующего происходящее.

Она была холодна и равнодушна, эта часть, и, видимо, считала все вокруг спектаклем. Мало того, она довольно наплевательски относилась к телу Шумера. Другая же, брошенная на произвол судьбы, становилась неуправляемой, бравирующей и дерзкой. Ей все было нипочем, она любила край и стремилась к краю, конфликтуя с людьми, вещами и самой реальностью. Тело Шумера она испытывала на прочность.

Иногда Шумер замечал в себе и третью часть (троица – это было логично). Задавленная первыми двумя, эта часть была вечно преисполнена страха. Возможно, он редко ее ощущал именно из-за того, что она, чтобы выжить, стремилась вести себя как можно незаметнее. Тела Шумера ей было жалко, она за него беспокоилась.

– Че, доктор? – наклонился Коля.

– Я говорю, – улыбнулся Шумер, – что мальчишка не выигрывает. Вы же мошенники, карточные шулера.

Ту-дук, ту-дук – как-то особенно громко прозвенели колеса на стыке.

Лицо у «бульдога» замкнулось, напряженная складка обозначилась под нижней губой. Рыжий Коля привстал.

– Чем докажешь?

– Ничем. Я вижу.

– Ну, вообще! Взял и обидел! – возмутился Коля и растопырил пальцы. – Эй, ты видел, что мы мухлюем? – обратился он к соседу с «дипломатом».

Тот мотнул головой.

– Не обращал внимания.

– Димыч, ну ты-то в курсе?

– Да я тоже вроде не заметил ничего такого, – сказал Дима, но особой уверенности в его голосе не было.

– Понятно. А вы, Людочка? – упорствовал рыжий.

– Что?

– Вы вот верите, что я с э-э...

– Алексей Александрович, – подсказал свое имя «бульдог».

Получилось очень естественно.

– ...с Алексеем Александровичем заодно?

Девушка посмотрела на Колю, потом на «бульдога» Алексея Александровича, явственно похожего в этот момент

на Жана Габена в роли комиссара Мэгре.

– Не знаю, – сказала она. – Вы какие-то слишком разные. Коля кивнул, словно не ожидал иного.

– Вот что, уважаемый, – он поймал за рукав и потянул Шумера на себя, – вы готовы ответить за свои слова?

– Конечно, – сказал Шумер.

– Пообщаемся в тамбуре?

– Как хотите.

Они вышли в проход. Никто не возразил и не вмешался.

– Сюда, – Коля, перехватившись за поручень, двинулся к тамбуру в конце вагона.

Шумер направился следом.

Он улыбнулся, когда какой-то здоровый, накачанный парень с боковой нижней полки поднялся сразу за ним, прос в проходе горой, перекрывая путь к отступлению. Так и пошли втроем. Щелкнула дверь, из мусорного ящика пахнуло вонью, белым пятном мелькнула туалетная дверь. Чтобы у Шумера не возникло малодушного желания спрятаться за нею, парень сразу перекрыл ее рукой.

– Чеши, дядя.

Толчок в плечо едва не бросил Шумера на спину рыжего картежника. Сильный, подумал Шумер. Может не рассчитывать.

Под тусклой лампочкой в тамбуре курил плюгавый мужичок. На гостей он посмотрел без интереса, отвернулся к окну, на мгновение затуманив его дымным выдохом.

– Извините, – тронул его за локоть Коля, – у нас здесь важный разговор. Вы не могли бы вернуться на свое место?

Мужичок, востроносый, худощавый, сузил глаза.

– Надолго?

Рыжий Коля смерил взглядом улыбающегося Шумера.

– Думаю, минут на десять-пятнадцать.

– Смотрите, а то я долго без курева не могу, – сказал мужичок, гася папироску о сапожный носок.

Качок подвинулся, давая ему пройти.

– Смотрите, пятнадцать минут.

– Чеши, дядя, – буркнул спортсмен.

Шумер подумал об ужасно скудном лексиконе. Как с таким словарным запасом из двух слов выражать чувства? С неприязнью – понятно, а с любовью как? Или вообще с желаниями? Ему вдруг стало любопытно, многого ли сможет добиться человек, будучи ограничен всего одним словом. Скажем, если ему захочется пить...

– Эй, доктор! – толкнул его Коля. – О чем задумался?

Шумер отступил.

– Так, об ограничениях.

Коля переглянулся с качком.

– Ты хоть понимаешь, что сейчас произойдет?

– Думаю, будете бить, – сказал Шумер, уводя взгляд к окну. – Меня часто бьют за то, что я говорю правду. Я привык.

Спортсмен хохотнул и шагнул вперед.

– Умный дядя!

Третье слово, подумал Шумер. Далеко пойдет.

Затем ему прилетело в челюсть. Удар был резкий, сильный, Шумера впечатало в стенку, повело вправо, во рту стало солоно, и спортсмен, и Коля превратились в плохо видимые пятна. Второй удар пришелся в живот. Под вздох. Третий – отработанно – в переносицу. Это было как петарда, попавшая в мозг.

Бумм!

Шумер на долю секунды отключился, но сознание вернулось, чтобы издевательски фиксировать, куда и с какой силой наносятся следующие удары. Качок проводил неплохие серии. Тренировался.

Боль.

Шумер не мог сказать, будто он сжился с нею. Скорее, он ощущал ее приход, как визит старой знакомой дамы. Сначала напрягаешься, ждешь, неуверенно гадаешь, правильно ли помнишь, вызываешь схожие прошлые ощущения, чтобы определиться и после сказать себе: да, знаю, знаю, было такое.

У него треснуло ребро. В носу, конечно, сломался хрящ. Кровь, вполне возможно, залила все ниже ноздрей. Левый глаз заплыл. Бровь горела, наливаясь гематомой. Два зуба слева и один справа, кажется, были готовы покинуть насиженные места. В добрый путь!

Шумер улучил момент и сплюнул кровью под ноги.

Новый удар опрокинул его на пол, сделавшийся скольз-

ким и красным. Реальность закатилась куда-то, помигивая, за плафон.

– Ну, что, доктор? – услышал Шумер сквозь шум вселенной, закрутившейся в голове. – Ты все еще претендуешь на свою правду?

Коля стукнул его в колено. Твердая подошва, крепкая кожа – что может быть лучше для ботинка, которым бьешь соседа по купе?

– Вы – шулера, – вытолкнул Шумер с кровью.

– Мы деловые люди.

Шумер завозился на полу.

– Я вижу.

– Тебе добавить, уважаемый? – рыжий Коля придавил каблуком кисть Шумеровой руки. – Кстати, болеть ты будешь долго. У меня даже прогноза нормального нет. Месяца два, три, если повезет. Полгода тоже хорошо.

Шумер, вывернув шею, взглянул на него целым глазом.

– Пять... пятьдесят шесть минут.

– Ой, я бы на это поглядел, – рассмеялся Коля. – Накинь-ка ему, – приказал он качку. – Чтоб припух.

Кроссовки у спортсмена были фирменные, серые, с белыми вставками, «найк», бить он ими боялся, берег, поэтому просто поднял Шумера и, прислонив к тамбурной стенке, обработал на коротком расстоянии. Тум-тум-тум, тум-тум – и апперкот.

Да, боль. Боль в челюсти, боль в затылке.

Но опять же – старая знакомая. Разве у него такого не было? Разное случалось, даже похлеще. Крови вот много.

– Куда? Куда?

В сознание Шумера вклинился щелчок двери. Он подумал, что это очередная тетка с сумками. Интересно, увидит – пройдет мимо? Или кинется защищать? Качок тоже отвлекся, и Шумеру представилась возможность сползти вниз. Ух! – как на лифте. Только голова – не голова, а какое-то странное, вздущееся и не совсем послушное сооружение. На месте носа – бог знает что. Что-то сипит.

А если глаз приоткрыть?

Реальность кое-как вылепилась из разноразмерных пляшущих пятен. Коля топтался у двери, в узкой щели белело лицо соседа с «дипломатом».

– Что вы там делаете? – напирая, спрашивал он.

– Голова не болит? – спрашивал Коля, удерживая дверь. – Смотри, заболит. И доктору уже не до тебя будет.

– Чеши, дядя! – присоединился к напарнику спортсмен.

Вдвоем они закрыли дверь, но сосед не прекратил ломиться.

– Откройте! – доносился его срывающийся голос. – Я сейчас проводницу позову. Он что, правду сказал?

Коля поморщился.

– Угомони этого, – сказал он качку. – Только аккуратно.

– Понял.

Щелкнула дверь.

– Ну, ты, дядя!

Спортсмен пропал из поля зрения Шумера, зато Коля приблизился, присел на корточки, пригладил под кепкой свои рыжие волосы.

– Вот че тебе не сиделось, доктор? – произнес он с каким-то даже сожалением. – Ну, пощипали бы мы богатенького идиота, кому от этого плохо стало бы?

– Мне, – сказал Шумер.

Коля наклонился.

– Ты его родственник что ли?

У Шумера нашлись силы шевельнуть головой.

– Нет. Не люблю, когда так.

– Да он бы нахлобучил тебя при первой же возможности! – сказал Коля. – Я этих тварей знаю. У них ничего здесь, – он стукнул себя пальцем по лбу, – нет. Ничего. Сынки депутатов да бизнесменов. Все свое в штанах, связи и деньги – у родителей. Гонору выше крыши. Кого хочешь, куплю, кого хочешь, продам. Он девчонку свою на кон поставил бы, точно тебе говорю. До кондиции бы довели – и поставил.

– И зачем? – спросил Шумер.

– Учить таких надо! – оскалился Коля. – В дерьмо макать. Чтобы не чирикали и место свое знали.

– И меня?

– И тебя учить. А как ты думаешь? Вступился? Глаза раскрыл? Кому? На людей посмотри! В Пустов приедешь, налюбишься.

Рыжий еще раз засадил Шумеру ботинком по ребрам.
– Все, лежи, отдыхай.

Щелкнула дверь. Стало тихо.

Шумер решил последовать совету. Действительно, надо отдохнуть. Что там в итоге? Хорошо досталось почкам, грудь вся в синяках, как в медалях. Колет в районе печени. Ну, лицо, наверное, очень не похоже на то, к которому он привык. Ладно, поправится, зубы, глаз, нос – это быстро, это сойдет.

Шумер, подобрав ноги, сел.

Стук колес сделался громче, свет из окна замелькал – проезжали мост. Этот мост Шумер помнил, кажется, через реку Сужа, значит, до Пустова два часа. Хорошо.

Он посмотрел на кровь, темнеющую на брюках, и огорчился. Где сейчас брюки достанешь? Их нельзя, как карты, из рукава. Пальто-то и так темное. А брюки теперь, пожалуй, только выбрасывать.

Дверь осторожно приоткрылась. Но это оказался не Коля и не сосед с «дипломатом», это оказался давешний курильщик. Увидев картину с сидящим в крови Шумером, он на мгновение остановился, но, качнув головой, встал у стенки напротив.

– Смотрю, хорошо поговорили, – сказал он. – Жив?

Шумер кивнул.

– Что мне делается?

– И то правда, если разговариваешь, – курильщик достал папиросы из квадратной пачки «Беломорканала». – Ку-

ришь?

– Нет.

Шумер выдохнул и, выпрямляя ноги, поднялся. Мужичок помог ему не упасть, придержал, не боясь испачкаться. Целым глазом Шумер уставился в окно, мост и река Сужа за которым уже кончились, и в метрах, и во времени отскочили назад.

– Красиво.

Оголенный по весне лес лез в глаза частоколом веток, словно желая привлечь внимание пассажира к своей судьбе.

– Как скажешь.

Курильщик закурил. Мимо, хлопнув дверями, в волне холодного воздуха проскочила тетка с сумкой, размазала каблуком кровь на полу. Не подскользнулась.

– За дело хоть били? – спросил курильщик, щуря в дыму карий глаз.

– Не знаю, – сказал Шумер. – Шулера.

– Играть что ли с ними полез?

– Дурака останавливал.

Курильщик хмыкнул.

– Дурака не остановишь, у него судьба такая – дурацкая. Написанная на его дурацком лбу.

– Все равно, – Шумер слегка развернулся и сморщился от боли. – Много ли правды в унижении дурака?

– За всех дураков встретить, здоровья не хватит, – философски изрек собеседник. – Тебя вот побили, кто ты после

этого?

Шумер улыбнулся, скovyрнул языком и выплюнул зуб. Тот звонко заскакал по металлическому полу.

– Человек.

– Но малого ума, – курильщик затянулся, выдохнул дым. – В наши времена бросаться на защиту всяких дураков самоубийственно.

– Я просто поступил так, как был должен, – сказал Шумер. И выплюнул осколок второго зуба.

– Я вижу, – кивнул собеседник.

– Вы просто не знаете, что это значит.

– Почему? Знаю. Только смотреть надо наперед, в будущее, парень, на то, чем это может для тебя закончиться.

– И я так знаю, чем все кончится, – сказал Шумер, легко пробуя пальцем натянувшуюся, горячую кожу под левым глазом.

– И чем же? – спросил курильщик.

– Я умру.

Из-под пальца брызнуло.

– Тю! Мы все умрем, много ума не надо.

– Зато я знаю, где и когда.

– Нагадали что ль?

– Нет.

Курильщик сощурился, отогнал ладонью дым, заставляя его скручиваться в тающие, эфемерные завитки.

– Что-то мне казалось, будто тебя чуть ли не до смерти от-

делали, – неуверенно произнес он, подстраиваясь так, чтобы свет из окна и из плафона не бил в глаза.

– Да нет, где там до смерти.

Шумер качнулся, хрустнул, вправляясь, локоть.

– Не показалось же мне.

Мужичок едва не протянул руку – потрогать. Та же приземистая тетка с сумкой, возвращаясь, открыла дверь в тамбур, заметила наконец кровь.

– Вот же ж придурки, – пропыхтела она, протискиваясь в следующий вагон, – все им мало, режут друг друга и режут.

Ты-дым-ты-дым! – грозно прогремели колеса.

– Холодно, – сказал курильщик и затушил сигарету. – Пойду.

– Пока, – сказал Шумер.

Оставшись один, он постоял еще минут пять, слушая, как хлопают двери туалета, как повышается голос проводницы, что-то объясняющей невидимому и бестолковому пассажиру. Усмехнулся. Потихоньку прорезался из отека подбитый левый глаз, заморгал, заслезился. Исчезла ноющая боль над бровью. Проклюнулся, раздвинул десны новый зуб.

Кровь, гной Шумер смахнул рукавом.

За окном мелькнуло болото – черная вода и островки земли с белесой травой и березами, похожими на палки.

Живем.

Дверь открылась снова, явив Шумеру соседа с «дипломатом». Упрямый был человек.

– Они ушли, – сообщил он, заговорщицки блестя глазами. – А я сразу сюда, думаю, как вы. Этот амбал и меня побил.

Его взгляд опустился на измазанный кровью пол.

– А вас сильно, да?

– Терпимо, – сказал Шумер.

– Я просто не сразу понял...

– Ничего, вам не стоило лезть.

– Но как? – удивился мужчина. – Какие-то, извините, уроды... – он протиснулся в тамбур целиком со своим непременным «дипломатом». – А вы мне все-таки голову успокоили, я не мог не вступить.

– Это не я, – сказал Шумер.

– А я верю, что вы. Вы как, в состоянии двигаться?

– Куда?

– Обратно, на место. Иначе займут. Я, конечно, попросил поддержать, но, знаете, сейчас полагаться на кого-либо проблематично.

Шумер отлип от стенки.

– А как там с парнем?

– Злится на вас, – сказал сосед.

– Но деньги-то сохранил?

– Рыжий и этот... Алексей Александрович, они сразу разобрали свое, доигрывать не стали, – мужчина подставил Шумеру плечо. – Я уж подумал, не убили ли вас.

– Это вряд ли.

Вместе они прошли в вагон.

У бойлера стояла крупная женщина со злым лицом и держала пластмассовую кружку у крана. Тонкой струйкой тек кипяток.

– Вы нас не пропустите? – спросил Шумер.

– Вы не видите? – сразу окрысилась женщина. – Долюю – и пожалуйста. Хоть по проходу раком. Ждите.

– Хорошо.

Нос перестал сипеть.

Шумер подумал: взведенные люди. Злые. А где причина? В поезде? В людях? Но человек не может сам по себе быть злым. Окружающее делает его злым. Только если я принадлежу к окружающему, получается, и я вношу свою долю в этот процесс?

Женщина посмотрела на него.

– Кипяток кончается, – сказала она. – Извините.

– Подождите до Пустова, – раздался голос проводницы из купе. – Там пополнят. А то воду хлещете как не в себя.

– Так бесплатная, – сказала женщина.

– Во-во, – выглянула проводница, – привыкли к халяве. А вы чего? – заметила она стоящих мужчин. – В туалет? Не работает.

– Нам пройти, – сказал Шумер.

– А, чай за шесть рублей, – узнала его проводница. – Морду, смотрю, успел расквасить. Понарожали уродов.

Сказала она это, впрочем, беззлобно, обыденно. Чего уж,

факт жизни, понарожали.

Женщина с кружкой посторонила. Шумер и сосед прошли, поддерживать Шумера уже не понадобилось.

– В тамбуре вы хуже выглядели, – сказал сосед.

– Там освещение плохое.

– Просто над бровью у вас...

– Что?

– Кажется, кровь была.

– Так я стер.

Они дошли до своих мест. Худой, волосатый парень в майке и шортах, увидев их, поднялся с нижнего сиденья.

– Ну, все, я больше не нужен? – спросил он.

– Нет, – сказал сосед с «дипломатом». – Спасибо.

Парень, кивнув, полез на верхнюю полку.

Шумер сел на освобожденное место, на свой край, вытянул ноги. Вместо шулеров обнаружился мрачный военный лет тридцати пяти в звании старшего лейтенанта и его, видимо, жена, коротко стриженная брюнетка с мягким тучком на коленях.

На столике перед ними парила химическая лапша. «Остров сокровищ» исчез. Кто его читал, интересно?

– Что-то вас не сильно побили, – наклонился, ловя Шумеров взгляд, Дима.

– Наверное, да, – сказал Шумер, закрывая глаза и откидываясь на стенку перегородки. В затылок выстрелило болью.

– А может вы с ними были заодно?

– Дим, ты совсем? – одернула его Людочка.

Шумер открыл глаза.

Действительно, подумалось ему, почему нет? Логичный вывод.

– Если бы я был с ними, я бы тоже убрался из вагона, – сказал он.

Мрачный старлей посмотрел на него острым взглядом.

– Киря, ты ешь, – сказала ему жена.

– Чего тут есть? – буркнул тот, играя желваками на бритых до синевы щеках. – Давай ты. А я потом.

Сосед щелкнул замками «дипломата», вытянул из его недр крохотный целлофановый пакет, развернул и вытащил два куцых бутерброда, украшенных тонкими кружками сырокопченой колбасы. Запах поплыл замечательный.

Шумер невольно сглотнул слюну.

– Хотите? – спросил его сосед.

– А сами?

– Я не ем в дороге.

Шумер улыбнулся.

– Я тоже разучился. Вы лучше армии дайте.

– Как скажете, – сосед пожал плечами и протянул оба бутерброда через проход между полками. – Будете?

Брюнетка посмотрела на мужа.

– Спасибо, мы возьмем. Киря, – она передала один бутерброд мужу, наклонилась к нему ближе. – И лапшу тоже съешь, пожалуйста.

Старлей дернулся, словно его пронзили раскаленным прутком, повел по свидетелям затравленным взглядом.

– Довольствия не дали, – выдавил он.

– Нас под Пустов перевели, – поделилась его жена. Она откусила чуть-чуть от своего бутерброда. – Приказ. А денег нет. И пайка нет. Ничего на складе нет. Даже крупы. Одни билеты на руки выдали, сказали, на месте все получим.

Старлей хмыкнул над миской.

Шумер наблюдал, как он ест, жадно заглатывая желтоватые ленты лапши, как ходят его щеки и блестят синтетическим жиром губы.

– А хотите крекеры? – спросила Людочка. – У нас крекеры есть.

– В бойлере вода кончилась, – сказал Шумер.

– Ой, у нас есть! – вслед за коробкой крекеров из пакета под ногами Людочка достала бутылку простой воды. – Угощайтесь.

Старлей кивнул.

– Спасибо, – сказала его жена и чуть повернула голову к Шумеру. – У вас кровь, вы знаете?

Шумер кивнул.

– Вот, – она достала из тючка блестящий квадратик, – это влажная салфетка. Она и для рук, и для лица.

– Спасибо.

Шумер надорвал пакетик и вытянул белую, похожую на промокашку тряпочку. Сложил вдвое, провел над гла-

зами, по губам, по подбородку, собирая красные пятна. По ощущениям казалось, будто чей-то язык облизал кожу.

Собачий? Человечий?

– Так лучше?

– Да, – улыбнулась женщина.

Улыбка на мгновение преобразила ее лицо, сделав светлее и моложе. Шумер подумал, что она удивительно хороша.

– Девять двадцать семь, – сказал он.

Салфетку некуда было деть, и Шумер просто скомкал ее в кулаке. Вставать и идти выбрасывать не хотелось.

– Что?

– Девять двадцать семь.

– Не понимаю, – женщина оглянулась на мужа.

Тот подбирал пластиковой вилкой остатки лапши.

– Наш сосед – загадочная личность, – пришел на выручку мужчина с «дипломатом». – Мне сказал, когда у меня пройдет голова, и, представьте, не ошибся.

– Но что значит «девять двадцать семь»?

– Видимо, время.

– Время чего?

Сосед посмотрел на Шумера, который молчал.

– Скорее всего, это время какого-то события.

– Но какого? Хорошего или плохого? – заволновалась женщина.

– Настя! – одернул жену старший лейтенант. – Что ты, честное слово! Сказал человек и сказал. Хрущев вон комму-

низм обещал. Сбылось?

Он отряхнул крошки с ладоней в пустую миску и кивнул мужчине с «дипломатом».

– Спасибо. Бутерброд был в тему.

– Кирилл, – легко толкнула его жена, – а у тебя что-нибудь намечается к половине десятого? Мы во сколько в Постниково приезжаем?

– Давай не при людях, – скривился старлей. – Ты бутерброд доешь. А то держишь его, как сокровище. Можно?

Он взял предложенную Людочкой бутылку воды. Щелкнул, заголубел на столике раскладной стаканчик.

– Этот «девять двадцать семь» только что меня на бабки опустил, – с обидой в голосе заявил мажор Дима.

– Серьезно?

Старлей отвлекся от наполнения стаканчика.

– На полторы тысячи.

– Ё!

Вода пролилась на брюки.

– Киря! – потянулась к бутылке жена.

– Все, все, – старший лейтенант совладал с собой. – Это же три оклада, Настя! Три оклада!

– Не слушайте его, – возразил сосед с «дипломатом». – Молодого человека едва не облапошили, а он думает, что едва не выиграл.

– У кого?

– У шулеров.

– Да какие они шулера! – сорвался на крик Дима. – Алексей Александрович что сказал? Что деньги для него значения не имеют! Для него опыт важен.

Шумер улыбнулся.

– Это он вас к проигрышу готовил.

– Да как бы я проиграл?

– Очень просто, – сказал Шумер. – Через кон слетели бы с «бочки», не набрав очков, а Коля, который рыжий, поймал бы фарт. Вы же слышали, как он жаловался, что ему не везет. А тут повезло бы.

– Это что, ясновидение такое?

– Но почему они тогда ушли, не доиграв? – спросил Дима сосед с «дипломатом». – Согласитесь, были бы честные люди...

Шумер закрыл глаза.

– Деньги не являются мерилom человеческого труда, – заговорил он. – Они единственно являются мерилom человеческой жадности. Да, это лукавый посредник, который предлагает как бы равноценный обмен одного товара на другой через возможность судить через себя об этой равноценности. Но здесь-то, господа, и кроется грандиозный обман. Потому что наибольшей ценностью после признания за деньгами права оценивать любой товар, произведенный человеческим трудом, и даже самого человека, становятся, увы, сами деньги. А все остальное неизбежно теряет в цене, как вторичный от них продукт.

Шумер умолк, перевел дыхание. Глаза его так и остались закрыты. Ну, вот, подумалось ему, понесло.

Несколько секунд во всем вагоне было тихо. Ни рева детей, ни разговоров, ни постукиваний и поскрипываний полок и сочленений, неизменных во время поездки. Ничего, словно голос пассажира, прижавшегося к перегородке и имеющего шесть рублей в кармане пальто, неожиданно подчинил и людей, и вещи своей власти.

Впрочем, стоило за одно, за два купе звякнуть ложечке в стакане, и звуки, освобожденные, посыпались отовсюду, нагоняя друг друга, нахлестывая – и заговорили все разом, и музыка заиграла, и какого-то ребенка тут же одернули на гортанном, незнакомом языке.

Сосед с «дипломатом» хмыкнул.

– Как вы интересно поворачиваете. А как же сейчас без денег?

– Пока никак, – вздохнул Шумер. – Но они портят людей, это совершенно точно.

– Извините, – сказала жена старшего лейтенанта, тиская тючок, – но быть таким примером безденежья, как вы, совсем не хочется. У нас тоже есть опыт, и когда в квартире из еды только... – ее голос пресекся, – ...только манка, полкило...

– Ладно, Насть, – скривился старлей. – Чего ты, выжили же.

– Все равно, никому не пожелаю.

– А че вы так все бедно живете? – неожиданно спросил Дима. – Мозгов нет? Сейчас деньги из воздуха делать можно.

Старший лейтенант пожевал губами.

– За словами следи, парень, – сказал он.

– Ну а серьезно, – придвинулся к столику Дима, – вот у меня почти «кусок» в кошельке...

– Твой? – хмыкнул военный.

– Вообще-то это отец дал, – сказал Дима, – но он дал бы мне и в десять раз больше, потому что умеет зарабатывать.

– Позвольте, а где он работает? – спросил сосед с «дипломатом».

– В мэрии, в Телегине, – ответил Дима.

– Ха! Это не работает, – раздалось с верхней полки, – это, получается, ворует.

– Много вы знаете! – покраснел Дима.

– А ты, типа, не в курсе? – со смешком сказал невидимый «полочник».

Через мгновение он свесился, сквозь спутанные волосы посмотрел на мажора.

– Ну, может быть, – признал Дима. – Я его дел не знаю!

– А то!

«Полочник» утянулся наверх.

– Говорят, в Пустове то же самое, – сказала Настя.

– Я думаю, что похлеще, – сказал мужчина с «дипломатом». – И город побольше того же Телегина, и в советские времена точно побогаче был. Тут и агрохимия, и камволь-

ный комбинат, я сейчас туда с аудитом еду, и ремонтный завод, и несколько НИИ, помню, были еще, с опытными цехами и производствами. Четыреста тысяч населения. А у Телегина, кажется, всего сто пятьдесят.

– Там плохо, – сказал Шумер.

– И вы туда едете? – спросил старший лейтенант. – Вы же туда едете?

Шумер улыбнулся и кивнул.

– И зачем?

Шумер пожал плечами.

Он и сам себе, пожалуй, не мог ответить на этот вопрос. Что это – возвращение блудного сына в родные места? Тяга преступника к месту преступления? Ностальгия по памятным детским и школьным годам?

Судьба?

– Потому что там плохо, – повторил Шумер.

– Парадокс, – сосед стукнул кончиками пальцев по «дипломату». – За вами, пожалуй, записывать надо.

– Некоторые пытались, – сказал Шумер.

На верхней полке хохотнули.

– Помню, помню, – свесился парень, – у Булгакова, где Пилат допрашивает. Там тоже, как это... «Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет...»

– Вы прямо по тексту, – сказал Шумер.

– Ну дак!

Парень пропал, но его физиономия, перевернутая, в об-

рамлении волос, тут же возникла снова. Из-за неправильно-го положения – глаза вниз, рот вверх – о выражении недо-умения еще следовало догадаться.

– О! Извините, но минут десять назад вы выглядели го-раздо хуже.

– Возможно, – сказал Шумер.

Сосед с «дипломатом» с живостью повернулся.

– Нет, действительно! – он отклонился в сторону и слегка прищурился, чтобы рассмотреть левую сторону Шумерова лица. – У вас, прошу прощения, бровь разбита была. А сей-час... сейчас только некая желтизна, и все.

– Значит, я ничем не рисковал, – сказал Шумер.

– Еще скажите, что вы бессмертный.

Шумер промолчал.

– Вот если б я был бессмертный, – произнес Дима, – хрен бы меня в такой поезд заманить можно было!

– И че ты тогда тут делаешь? – с вызовом спросил стар-лей. – Богатенький он, видите ли, а тоже, вместе со всеми, в общем вагоне. Че так?

– Киря, – затеребила его жена.

Но военный только сморщился.

– Отец машину отнял, – глядя в окно, сказал Дима.

– А на такси?

– Ага, там такие цены заламывают!

– Мы хотели сначала на автобусе, – сказала Людочка, – но маршрут отменили. Раньше был маршрут «Телегин – Пу-

стов».

— Где теперь тот маршрут? — вздохнул сосед. — Кажется, междугородные перевозки вообще прикрыли.

— Бессмертие, — произнес вдруг Шумер, — все люди мечтают о бессмертии. Но что является его противоположностью? Смерть? Нет, одиночество. Бессмертие человека без человечества бессмысленно. Оно приподнимает его над ежедневной суетой, которая и составляет человеческую жизнь, и тем же самым отторгает за ее пределы. Добившийся бессмертия или каким-то образом приобретший его перестает чувствовать себя частью того мира, в котором он находился изначально. Да, в некотором роде, это можно сравнить с перерождением, с рождением. Но следует ли за этим рождением что-то еще? Ведь преимущество в бессмертии у человека перед человечеством всего одно: он начинает видеть однообразие жизни. Вернее, он прозревает, что всякое развитие есть всего лишь череда смертей. И сильные, и слабые мира сего превращаются сначала в мертвецов, затем — в могилы и надгробные плиты, потом на них прорастает трава, наносится слой почвы, их имена забываются или кочуют в памяти тех, кто умирает в следующую очередь, пока не остается ничего. Кости, может быть, фрагменты чудом сохранившейся челюсти. Такое одиночество чаще всего порождает безумие. Это медицинский факт. Потому, может быть, версия о том, что наш мир создал сошедший с ума от одиночества демиург, имеет право на существование. Но тогда бес-

смертие и одиночество тождественны? Или – каждый, кто бессмертен, одинок, но не каждый, кто одинок, бессмертен? Возможно, вовсе не спасения от одиночества ищет человек в бессмертии. Но чего тогда? Ведь бессмертие, в сущности, от самого человечества неотделимо, поскольку является движущей силой его развития, а вся человеческая история единственно может рассматриваться как множество попыток его достичь. И здесь мы приходим к выводу, что один бессмертный человек не сможет разрешить неизменное противоречие, возникающее в собственном бессмертии...

Шумер умолк и оглядел своих невольных слушателей. Все они смотрели куда-то в пустоту, глаза их были неподвижны, дыхание – едва заметно.

Через секунду, через пропущенный такт сердцебиения очнутся. Но держать, держать их – получалось. Он улыбнулся.

– Значит, бессмертными надо делать всех? Что же мы получим в результате? Мы неизменно получим то же человечество с его множественными болезнями, страстями и пороками, только бессмертное. Есть вероятность, да, она есть, что обрета бессмертие, изжив основное препятствие к самосовершенствованию, люди, в большинстве своем, в подавляющем большинстве, обратят себя к созиданию, к исследованию удивительной своей природы и к изучению окружающего их мира. Но вероятность этого ничтожна. Почему? Потому что это самое бессмертие послужит для людей

универсальным оправданием собственных слабостей. Само-совершенствование всегда можно будет отложить на потом, до лучших, подходящих времен. Найдутся тысячи, миллионы других занятий, не требующих от человека умственных и физических усилий или требующих их по минимуму, тем не менее, как выяснится, более срочных, более необходимых. Появятся тысячи, миллионы причин, по которым лучше не делать ничего, не развиваться, быть как можно проще, забыть, не заморачиваться, в конце концов, объявить все бессмысленным и бесполезным. Вредным. Гарантировать же можно одно: бессмертный человек с удовольствием станет тратить время и силы на то, чтобы насолить своему бессмертному ближнему. Унизить его, продвинуться самому. Представьте на мгновение миллиардный пантеон богов, плетущих бесконечные интриги. Это оно, человеческое бессмертие. Не самый приятный взгляд.

Шумер посмотрел на салфетку в одной руке и стакан в другой.

– Тогда что? – спросил он дрожащую на донце стакана воду. – Как поступить? Получается, необходимо менять человечество. Пытаться вложить в головы людей что-то помимо их низменных желаний и великолепной лени. Вернее, нет, нет, не вложить, в людях все это есть и так, но выявить, разбудить, сделать необходимым, насущным условием существования. Но не это ли есть ограничение, после которого...

Он зажмурился.

Ту-дук, ту-дук – первыми осмелились издать звук вагонные колеса. Ту-дук. Гудок встречной электрички вызвал уже переполох. Что-то упало, что-то покатилося, кто-то наконец с облегчением заревел.

Очнулся, вытаращился сидящий напротив Шумера полный мужчина:

– Что, Пустов уже?

– Нет, – улыбнулся Шумер.

– Я проспал! – сделал вывод мужчина. – Господи, что ж вы не разбудили-то! Люди, люди...

Он подхватил пакет в ногах и хотел уже бежать к выходу, но общий смех его остановил.

– Что? – обернулся он.

– Сорок четыре минуты, – сказал Шумер.

– Ах, в этом смысле, – мужчина, отдуваясь, опустился на скамью. – А я уже думал – все, рвать стоп-кран.

Он издал смешок, показывая, что эта мысль была не серьезна.

– Возьмите, – Настя, жена военного, подала ему салфетку.

– Спасибо, – кивнул тот.

Пока мужчина вытирал потное лицо, вытирал долго, шумно, все молчали. Но то Дима, наклонившись, проверял, не пропал ли Шумер со своего места, то старший лейтенант поднимал глаза, целясь прищуром Шумеру в висок, то сосед с «дипломатом» вроде бы просто так подворачивал голову – с интересом бросал взгляд как бы в боковое окно.

– И вы, значит, тоже до Пустова? – спросил наконец Дима.
Шумер кивнул.

– И Иисус Христос вам как бы родственник? – спросил сосед с «дипломатом».

– Нет.

– Кто же вы тогда? – свесился с полки волосатый парень.

– Человек.

Парень фыркнул.

– Ага, мы только что были этому свидетелями.

Полный мужчина с беспокойством наклонился к соседу с «дипломатом».

– Это игра такая? – спросил он. – Вы во что-то играете?
В исторические личности?

– А вы ничего не чувствовали, когда спали? – в ответ спросил тот.

– Нет. В голове сейчас звенит, разве что. Я просто хорошо сплю, а просыпаюсь мгновенно. У меня, знаете, нет такого, чтобы дремать. Свойство организма. Выключатель срабатывает – сплю, срабатывает в обратную сторону – просыпаюсь. Многие удивляются, не верят, что такое возможно.

– Это все розыгрыш, – сказал Дима.

Шумер улыбнулся и кивнул.

– Постойте, – сказал мужчина с «дипломатом», – он же был избит. Вас же избивали эти... – обернулся он, разглядывая Шумерово лицо. – Я, правда, уже сомневаюсь...

– Извините, – сказал вдруг старший лейтенант, – хочу

спросить: про бессмертие – правда?

По проходу протопала тетка с сумкой, за ней, покручивая дубинкой, прошел сержант дорожной полиции. Снаружи над лесами и пустыми пространствами, заросшими сухой прошлогодней травой, плыли низкие облака.

Шумер пожал плечами.

– Каждый человек в некотором роде бессмертен.

– Это софистика. А вот то, что мы слышали...

Шумер улыбнулся.

– Мысли. Вслух.

– Так вы экстрасенс или имеете эту... божественную природу? – спросил парень с верхней полки.

– Самому не смешно? – поднял глаза Шумер.

– Нет.

– Не думаю, что есть связь.

– Ясно, – насмешливо сказал парень, – а я уж подумал, что вы таким образом апостолов набираете.

– Это еще смешнее, – сказал Шумер. – Кто последует за мной?

Стало тихо. Словно издалека долетал шум с мест за переборками. Дима отвернулся к окну. Полный пассажир, сидящий напротив Шумера, потупился. Старлей переглянулся с женой. Волосатый парень с верхней полки с усмешкой произнес:

– Ну, не, я помню, что там дальше было.

Он отклонился, пропал, стукнув в жесткий каркас пяткой.

– Извините, – сказал, привстав и обращаясь к «полочнику», мужчина с «дипломатом», – но там были римляне, и, вообще, совсем другая страна, zeloty, фарисеи.

– Во-во, – сказал парень. – А у нас будет полиция, попы и бандиты.

Мужчина с «дипломатом» сел.

– Я не могу, – сказал он растеряно, – у меня аудит.

Шумер улыбнулся.

– Я не в претензии.

– Но у меня номер в гостинице, двухместный. Если вам негде жить... Это было бы замечательно, если б вы поселились вместе со мной!

– У меня есть, где жить, – сказал Шумер.

– Я серьезно, – горячо заверил его мужчина с «дипломатом». – У меня забронировано на две недели.

– Я тоже.

На мгновение закрыв глаза, Шумер воссоздал в памяти старый двухэтажный дом, потрескавшуюся штукатурку, неряшливую побелку стен, электрические провода на фарфоровых «роликах», пролет деревянной лестницы к деревянной двери.

Там, за дверью – его квартира.

Старенькие обои. Пожелтевшие. Какой на них был узор, уже и не видится так ясно. Кажется, какие-то голубенькие лепестки в ромбиках золоченых пересекающихся линий. Угол ободран и аккуратно подклеен. У самого входа – тумбочка,

в ящичек которой складывали ключи и носовые платки. Нынешняя тумбочка, темного дерева, – третья или даже четвертая инкарнация. Первая имела аптечный белый цвет. Вешалка и антресоли. Наверху – шапки. Рыжая, лисья – женская, мужская меховая «ушанка», кожаный шлем с очками-консервами и шляпа-канотье, потерявшая товарный вид.

Половичок упирается в простенок. Третья справа половица скрипит, если на ней прыгнуть. Простенок занят отрывным календарем и часами-ходиками. Из-за старого комода выглядывает зеркало, бог его знает откуда притащенное. Оно целиковое, от пола до потолка, в тяжелой деревянной раме, выкрашенной коричневой краской.

От зеркала пахнет клопами. А, может, морилкой. В детстве оно притягивало Шумера. Зеркало, видимо, было бракованным и часто искажало пропорции в него глядящего. Однажды оно здорово испугало его, отразив голову желтоватым, вспухшим на тоненькой шее пузырем. Бам-м! – и лопнет.

По коридору налево находятся кухня и кладовка. Кухня совсем крохотная, но с печью. Зато кладовка – вполовину кухни. В другом конце – три комнаты, и одна из них сквозная. В ответвлении – туалет.

Обои везде одинаковые, голубенькие лепестки. Только в сквозной, где жил отцов брат, старший, полно плакатов. Боярский. Пугачева. «Верасы». Патлатые парни с гитарами в рубашках с открытым воротом и в брюках-клеш. Не «Бит-

лз», нет, не «Битлз».

Старенькая мебель, матерчатые диваны, кровати с железными спинками, журнальный столик, торшер, серванты светлый и темный, разведенные по разным комнатам. Гравюры. На них олень, город на берегу реки, девушка с кувшином.

Вязанные салфетки на подушках, на стульях, на радиоле.

Из кухни тянет выпечкой. Там поспевают шаньги. Еще чуть-чуть – и можно будет сесть за стол, подставить чашку под самовар и получить из рук бабушки большое блюдо, полное обмазанных сливочным маслом безумно вкусных шанег.

Шумер не помнил их вкуса, помнил, как было горячо, и как боязливо он трогал пальцами сдобный бок – не обжечься бы.

Он, наверное, едва не воплотил этот дом – двухэтажный призрак мелькнул за вагонным стеклом, рассыпавшись быстрее запоздалого поворота головы. Шумеру вдруг подумалось: а что если бы дом возник и остался? Привет из прошлого в сотне метров от железнодорожной насыпи, одинокое строение посреди необжитой пустоты, одним краем в болоте.

А что, если бы внутри...

Шумер качнул головой и посмотрел на соседа с «дипломатом».

– У меня квартира в Пустове, – сказал он. – Я не вру.

– Но, возможно, она уже занята, – сказал сосед. – Вы давно были в Пустове?

– Давно.

– Вот. Бог знает, что могло случиться с вашей квартирой!

Знакомая проводница пошла по вагону.

– Закрываю туалеты! – зазвенел ее голос. – Пустов – через полчаса! Граждане, закрываю туалеты. Сдавайте стаканы!

Она прошла вперед, вернулась назад.

– Чай попили?

– Да, – сказал Дима.

Проводница сгребла казенную посуду.

– Возьмите еще один, – спустил стакан парень с верхней полки.

– А ты? – наклонилась проводница к Шумеру.

– Я?

– У тебя тоже стакан в руках.

– Извините.

Шумер расстался со стаканом.

– Все? – проводница зорко оглядела стол. – Никто больше чай не брал?

Полный мужчина напротив Шумера мотнул головой.

– Мы бы хотели, если возможно, минут через пять... – подала голос жена военного.

– Не получится, – отрезала проводница. – Бойлер выпили весь. Вот в Пустове воду зальем, тогда – пожалуйста. А пока минералку берите, минералка есть. Принести? Сорок семь рублей. Бутылки три осталось.

– Нет, спасибо, – натянуто улыбнулась Настя.

– Ну, значит, пить не хотите.

Позвякивая стаканами в подстаканниках, с осознанием собственной правоты проводница скрылась в проходе. Мужчина с «дипломатом», покопавшись в карманах плаща, выудил мятую визитку и сунул ее Шумеру в руку.

– Здесь мой телефон, второй, снизу который, мобильный. Если у вас все же с вашей квартирой не получится...

– Спасибо, – сказал Шумер.

За окном густо пошли дачные участки. Поезд прибавил ходу. Разномастные домики с жестяными и шиферными крышами проскакивали мимо, будто толпа неудачливых встречающих. Из смещения пятен глаза выхватывали лишь отдельные детали – теплицу, затянутую целлофаном, кирпичный забор, накренившийся трактор, увязший в колее, грядки, колонку, сухую березу, вымахавшую выше столбов, разбитый и провалившийся внутрь себя сарай.

Мелькнули переезд, закрытый шлагбаумом, и автобус, ожидающий прохода поезда. Параллельной путям грунтовой пытался сравняться с составом в скорости какой-то самонадеянный велосипедист.

– Ф-фух, полчаса, да? – сказал полный мужчина. – Она объявила, что через полчаса, так? – обратился он к окружающим.

– Уже меньше, – сказал старший лейтенант.

– То есть, по расписанию?

– Кажется, да.

– «Пустовский» почти никогда не опаздывает, – сказал сосед с «дипломатом». – Вот на московском и южных направлениях можно и на три-четыре часа обмануться. Там вечно какие-то непредвиденные остановки. – Он повернулся к Шумеру. – А как вы, кстати, с вокзала? На своих двоих?

Шумер кивнул.

– Мне недалеко.

– Вас в таком виде, извините, вокзальная милиция примет.

– У меня паспорт есть, – сказал Шумер.

– Все равно вам лучше не ходить одному. Я возьму такси и подвезу вас. Выйдем вдвоем, будто вы мой перебравший товарищ.

Шумер качнул головой.

– Вам лучше со мной не связываться.

– Почему?

Шумер не ответил.

– Я не понимаю, почему, – растеряно произнес мужчина с «дипломатом», глядя на военного и его жену. – Что в этом такого?

– У каждого – свои тараканы, – сказал старший лейтенант.

– Но человек – уникал...

– Вам же сказали, – разъяснил парень с верхней полки, – что следовать ему – чревато. Апостолы, кстати, все умерли мученической смертью. Это я к тому, если вы стремитесь стать новоявленным апостолом.

– Все? – побледнев, спросил сосед с «дипломатом».

Шумер улыбнулся.

– Кроме Иоанна.

– А что Иоанн?

– Страдал, но умер своей смертью.

Сосед с «дипломатом» задумался.

– Я могу быть вашим апостолом, – сказала вдруг Людочка.

До этого она сидела тихо-тихо, накрутив на пальцы проводок от наушников, и неподвижным взглядом смотрела в перекладину верхней полки, забитой раздутыми, словно лопающимися от спелости сумками.

Сейчас глаза ее нашли Шумера. Странно было в них заглядывать. Они горели готовностью к самоотречению.

Шумер с холодком, с грустью подумал: началось.

– Людка, ты чего? – очнулся ее кавалер.

– Ничего!

– Людка!

Дима попытался развернуть девушку к себе.

– Я могу стать вашим апостолом, – повторила Людочка, игнорируя усилия своего парня. – Даже если меня убьют.

– Ты дура что ли? – повысил голос Дима. – А я, значит, для тебя так?

Поворот головы у Людочки вышел царственный, плавный, глаза презрительно сузились.

– Ты?

Наши решения, наш выбор в ключевой точке неуловимо

меняют нас, подумал Шумер.

Некоторые начинают слегка светиться. Другие расправляют плечи и становятся выше собственных желаний и своего прошлого. А легкомысленная девчонка, которая вдруг обнаруживает, что вся жизнь ее до этого поезда, этого вагона и этого мгновения состояла из бессмысленных и жалких эпизодов и слов, приобретает удивительную крепость души и убеждений.

А также всепоглощающее желание следовать за пассажиром в замызганном пальто и в потемневших понизу от крови брюках.

Шумеру сделалось стыдно. Он, впрочем, не считал себя глубинным знатоком психологии. Но он видел глаза, видел прогиб спины, видел, каким страстным и ослепительно красивым в этой страсти стал Людочкин профиль.

– У него бабок – шесть рублей! – выкрикнул Дима.

– Ну и что?

– Он реально – никто!

– Ты же его слышал! – возразила Людочка.

– Весь вагон, наверное, слышал, – прокомментировал парень с верхней полки. – Впрочем, я пожалуй, мелко беру. Весь поезд.

– А что я слышал? – развел руками Дима. – Бла-бла-деньги, бла-бла-бессмертие? Он, может, просто к вагонной радиосети подсоединился. Сейчас умельцев много. Куда не плюнь, все что-то химичат.

– Я ему верю!

Крыть это было нечем.

Физиономия Димы приобрела досадливое выражение. Но за досадой, к удивлению Шумера, проглядывала не мелкая обида собственника, не возмущение идиотским поступком, а какое-то странное беспокойство, что девушка пропадет, вляпается с непонятным полубомжом в такие неприятности, что ни он, ни папа, ни папина «крыша» потом не спасут.

Надо же.

– Ты посмотри на него! – сделал последнюю, отчаянную попытку Дима. – Посмотри! – Он выставил руку. – Мужик идет к успеху, ага!

Шумер улыбнулся. Он специально отклонился, чтобы девушка могла оценить его внешний вид. Куда тут что спрячешь? Он потер щеку. Впрочем, все уже заросло, рассосалось. Верхний зуб только не спешил.

– Он много претерпел, – сказала Людочка. – Я ему нужна.

– Что?

– Это ее выбор, – произнес Шумер. – Но это не лучший выбор. И, наверное, не самая счастливая история.

– Вы не знаете, – прошептала Людочка.

Шумер опустил плечи.

– Возможно, я чего-то и не знаю. Вы выдержите?

Он посмотрел на Людочку.

– Люда, вы подумайте, – подала голос Настя.

– Он – шарлатан! – выкрикнул Дима.

Людочка оглянулась на говорящих и запахнула пальто, словно ей стало холодно.

– Я постараюсь, – сказала она Шумеру. – Вы не должны обо мне беспокоиться. Это правильно, что это мой выбор.

– Девять девятнадцать, – сказал Шумер, глядя ей в глаза. На щеках Людочки выступил румянец.

– Я не знаю, что это значит.

Шумер не ответил.

– Можно? – встав, спросила девушка соседа с «дипломатом».

На лице мужчины отразилось непонимание, потом он сообразил, что его просто просят поменяться местами.

– Конечно-конечно.

Он переместился по полке к Диме. Людочка села рядом с Шумером.

– Лютый песец, – убитым голосом прокомментировал Дима.

– Сочувствую, – сказал мужчина с «дипломатом». – Если женщина что-то вбила себе в голову, бесполезно просить ее изменить решение. У меня и жена такая, и дочь недалеко от яблоньки упала.

– Да понятно.

Дима открыл бумажник и выловил оттуда три сотенных бумажки.

– Эй, дура! – он бросил банкноты Людочке. Две, крутясь,

упали на пол, одна спланировала на «дипломат». – Это подарок от меня!

– Мне не нужно, – сказала девушка, прижимаясь к Шумеру.

– А как жить будете?

Дима порывисто встал и собрал деньги.

– Возьми, блин!

Он вырос перед Людочкой, рассерженный и взведенный. Сотенные тряслись в руке, трепетали крыльями с зеленоватым отливом.

– Мы возьмем, – поднял глаза Шумер.

– Ты, блин, не суйся! – брызнул слюной Дима. – Я не тебе, я ей! Нарисовался тут, иисус с побитой рожей.

– Мы возьмем, – повторила за Шумером Людочка.

Она сунула банкноты в карман пальто.

– Спасибо, – сказал Шумер.

– Вот не надо, да?

Дима, посмотрев на лежащего на верхней полке парня, с независимым видом рухнул на свое место.

– Вы лучше, чем казались мне изначально. Поберегите себя в Пустове, – сказал Шумер.

Дима усмехнулся.

– Я там не задержусь.

Он отвернулся к окну, за которым прекратили мелькать дачные участки и потянулась то ли промзона, то ли остатки былого, социалистического еще, колхозного хозяйства.

Длинные здания из серого силикатного кирпича с датами постройки в виде выложенных красным кирпичом цифр на фронтонах чередовались с сараями, будками, навесами и проплешинами грязи. Какими-то диковатыми зигзагами, будто сами по себе, отдельно от зданий, летели щелястые, кое-где повалившиеся заборы.

– Может, парень, ты и нас одаришь? – хохотнул старший лейтенант.

– Да пожалуйста, – Дима бросил ему бумажник.

Как от надоевшей безделицы избавился.

– Извини, – старлей, багровея лицом, припечатал, будто гвоздем прибил, пойманный бумажник к столику. – Так с нами обращаться не надо.

– А мне все равно, – сказал Дима.

– Значит, дурак.

– И что?

– Возьмите, – из своих трех сотен Людочка через пространство между полками протянула две. – Вам нужнее.

– Не смей! – Дима перегнулся через мужчину с «дипломатом», пытаясь помешать девушке передать деньги.

– Но ты же не хочешь...

– Блин! – простонал Дима и схватился за бумажник. – Сколько вам нужно? – спросил он Настю. – Просто скажите, сколько.

– Киря, – беспомощно произнесла та.

Старший лейтенант хмыкнул.

– Да ничего нам от него не нужно!

– Пятьсот! – сказал Дима, с шелестом рассыпая купюры.

– Парень...

– Пятьсот пятьдесят! – к сотенным Дима принялся выкладывать десятки. – Пятьсот шестьдесят! Больше не дам. Мне еще на попутку до Телегина нужна хотя бы сотня. Все.

Он отпихнул деньги и словно без сил с опустевшим бумажником сжался в углу.

– Димка, я тебя люблю! – вскрикнула Людочка.

Мужчине с «дипломатом» вновь пришлось сдвинуться, теперь уже в обратном направлении.

– Головокружительные события, – произнес полный пассажир напротив Шумера. – Санта-Барбара.

Шумер улыбнулся.

Девушка в это время притиснулась к своему брошенному было кавалеру, обняла, заползла рукой под куртку:

– Димчик.

– Отстань, – обиженно отозвался Дима. Даже голову прикрыл, приподняв плечо.

– Ну, Дим.

Голос Людочки стал едва слышим. Молодой человек изгибался, пытаясь прекратить путешествие ее руки по своему телу. Сосед с «дипломатом» наклонился к Шумеру.

– Быстро вы потеряли апостола, – сказал он. – Минут за десять?

– За девять минут девятнадцать секунд, – кивнул Шумер.

– Так это...

Сосед умолк, соображая.

Деньги лежали на столе. Зеленели, синели. За окном проскочил еще один переезд, тенью мелькнула высокая труба котельной. Потянулись городские окраины, блеснул золотом низкий церковный купол.

– Подъезжаем! Пустов! – громко объявила, проходя, проводница. – Вещи не оставляем! Стоянка – пятнадцать минут!

Вагон, словно разбуженный ее голосом, наполнился жизнью, звуками. Застучали каблуки, зашелестела одежда. Старуха, прикорнувшая на боковой полке, растолкала едущего с ней мальчика и шагнула к Шумеру:

– Помогите, пожалуйста, вещи спустить.

– Какие? – спросил Шумер.

– А эти, – показала она на раздувшиеся сумки на верхней полке.

Шумер поднялся.

– Все ваши?

– Все мои, мои. Меня встретят.

– Ну, не в проход же складывать?

Шумер пропустил в начало вагона уже собравшегося и стремящегося в тамбур пассажира.

– А вот сюда, – старушка за руку пересаживала внука, освобождая боковое сиденье. – Сюда спускайте. И на стол одну.

Шумер сгрузил сумки.

Сумки были тяжелые. В одной, кажется, круглились ар-

бузы. В другой сквозь ткань проступали углы упакованных внутрь коробок. Никто ему не помог, все наблюдали, как он надсаживается, кряхтит и потеет.

Только Людочка старалась не поворачивать голову в его сторону.

– Вот спасибо вам, – сказала старуха.

– Пожалуйста.

Шумер, улыбнувшись, сел.

Поезд замедлил ход. Заскрежетали колеса. За окном отползли назад светлая ограда и вереница голых, опиленных лип. Побежал серый асфальт платформы, потекла по нему желтая предостерегающая полоса. Блеснуло окнами привокзальное кафе. Над деревянной двустворчатой дверью кафе наискосок, вверх, взлетело название. «Чайка». Внутри белели высокие столики, за которыми возможно было только стоять.

– Кажется, все, – сказал Шумеру мужчина с «дипломатом».

Мимо купе с сумками, баулами, детьми потянулись люди.

За стеклом замерло здание вокзала. Длинное, выкрашенное в зеленый цвет, оно делилось на три части. Пристройка слева объявляла о себе как о камере хранения и зале ожидания номер один. Справа, насколько видел Шумер, размещались кассы и зал ожидания номер два. В центре, под башенкой с часами и надписью «Пустов» находился, собственно, выход в город.

У урны рядом с дверями курил милиционер. Встречающих было не много. Рядком стояли бабки с нехитрым товаром – платками, посудой, игрушками.

– Пустов! – крикнула проводница.

– Ну, мы пошли, – сказала Настя.

– Возьмите, – подала ей зажатые в руке сторублевки Людочка.

Настя оглянулась на мужа. Старлей пожал плечами.

– Спасибо.

Купюры перекечевали из ладони в ладонь.

– Разрешите? – спросил у полного соседа старший лейтенант.

– Что? – не понял тот.

– Полку приподниму. Вещи.

– Ах, да-да.

Мужчина встал, перекрыв проход.

– Эй!

Его не слишком вежливо отпихнули с пути, и он неуклюже оттоптался ногами по носкам Шумеровских ботинок.

– Извините.

– Ничего, – улыбнулся Шумер.

Старлей достал габаритную черную сумку, и они с женой, кое-как разойдясь с соседом, двинулись на выход.

– До свидания.

– Пока, – отозвалась Людочка.

Полный мужчина, отдуваясь, снова опустился на свое ме-

сто, поправил пакет у ног, откинулся затылком к стенке.

– А что вы сидите? – спросил у него Шумер.

– А что? – наклонился к нему мужчина.

– Так Пустов же.

– Пустов?

Щекастое лицо пассажира взволнованно вытянулось. Он, не веря, посмотрел в окно, затем, приподнявшись, налег на столик, чтобы увидеть здание вокзала целиком.

– Пустов, – с недоумением прочитал он.

– Именно, – подтвердил ему сосед с «дипломатом».

– Пустов! – вскрикнул мужчина и подхватил пакет. – Господи! И вы молчите! Вы же знаете, что я еду до Пустова!

Он выскочил в проход, на ходу застегивая пуховик. Шумер заблаговременно убрал ноги с его пути.

– Простите. Простите.

Голос пассажира, как и он сам, удалялся по вагону к тамбуру, вызывая ропот и возмущение очереди.

– Извините, мне в Пустов.

В Пустов хотели все.

– Наверное, пора и мне.

Сосед с «дипломатом» встал и подал руку:

– До свидания. Мой телефон у вас есть.

В его глазах стояло ожидание, что Шумер все же согласится ехать с ним в гостиницу. Вид у него был виноватый.

– До свиданья, – улыбнулся, пожимая ладонь, Шумер.

– Ой, и мы пойдем, – сказала Людочка, застегивая пальто.

Дима, деловито пересчитав, собрал деньги со столика обратно в бумажник.

Они быстро собрались. Шумеру, правда, пришлось встать, чтобы на свет из-под полки родилась спортивная сумка. Заложив пальцем страницу в «Острове сокровищ», Людочка выпорхнула первой. Дима, определив сумку на плечо, последовал за ней.

Шумер не слышал от них ни слова.

Поток пассажиров иссякал. Вагон пустел. Конечным пунктом состав имел город Желябин, до которого добираться было еще два с лишним часа, но основной контингент сходил здесь.

– М-да, весело.

Волосатый парень, последний оставшийся в купе помимо Шумера пассажир, спустил ноги с верхней полки, а затем спрыгнул в проход. Подтянув военного кроя штаны с карманами на бедрах и коленях, он сел напротив Шумера.

– Петр, – представился он, – могу быть вашим апостолом.

– Зачем? – улыбнулся Шумер.

– Ну, не знаю, – парень пожал плечами, – все сдрейфили.

А мне все равно, что делать.

Пятерней он зачесал волосы вправо.

– Студент? – спросил Шумер.

– Третий курс лесотехнического.

– И что, скучно?

– Да нет, в сущности. Просто как-то бессмысленно.

– Со мной смысла будет не больше, – сказал Шумер.

– Тогда зачем люди вообще живут?

Шумер вздохнул.

– В этом я пока не разобрался.

– Шутите?

– Нет, – Шумер поднялся. – Сложный вопрос. Вам, Петр, лучше не иметь ко мне никакого отношения.

– То есть, апостолы вам на самом деле не нужны?

Петр, помрачнев, вытянул кроссовки из ниши под полкой.

– Я ничего не говорил про апостолов, – сказал Шумер. – И ничего не говорил про миссию, с которой я здесь. Вы все придумали и решили за меня. Разве не так? По-моему, глупо полагать, что я буду проповедовать в Пустове.

– Ага, вы на пенсии, – усмехнулся Петр.

– Нет, – сказал Шумер. – Я здесь по своим делам. До свидания.

Он шагнул в пустой проход.

– Эй, знаете, – крикнул ему в спину Петр, – иметь возможность все изменить и не сделать ничего – самое гнусное, что вы можете сделать.

Шумер не остановился.

Он мог бы ответить, да, мог бы ответить. Но зачем это Петру? А ему самому? Подбирать аргументы, хрипеть, доказывая, что все не так, как видится со стороны. Честно говоря, сама поездка, во многом спонтанная, уже виделась Шумеру жестом отчаяния. Многого не знает Петр, а мог бы просто

верить.

Апостолы, они верят.

Мимоходом он одобрительно хлопнул ладонью по бойлеру, поделившемуся с ним кипятком, и помедлил перед тем, чтобы шагнуть на платформу. Справа суежилась, складывая гору тюков, многочисленная семья из Средней Азии. Слева какой-то бородач ожесточенно затягивал горловину рюкзака. Вокруг него кружили голодные голуби.

– Вы выходите? – спросила у Шумера проводница.

Он вздохнул.

– Обязательно.

– Так выходите.

Шумер улыбнулся.

Он не знал, как встретит его Пустов. Позади осталось позорное бегство. В настоящем имелось тихое возвращение. Эх, как бы все забыть? Раз – и ничего не было. Или было?

Прошное кисло барахталось в Шумере, заставляя испытывать смущение и стыд.

И люди никуда не делись. Изменились? Возможно. Но вряд ли в лучшую сторону. В это он не верил. Впрочем, не поэтому ли он вернулся?

Вперед? Нога преодолела десятисантиметровый зазор между вагоном и платформой, носок ботинка, переместившись, избрал новую точку опоры, пальцы, стиснувшие поручень, наконец разжались.

Все.

Шумер встал на платформе и вздрогнул, когда из-за тюков неожиданно грянула музыка. Скрипка, гитара, аккордеон. «Слова любви вы говорили мне в городе каменном...». Мелодию из «Бриллиантовой руки» музыканты выводили старательно и фальшиво. Чувствовалось, что раньше они ее играли редко.

Несколько мгновений – и платформа под вечереющим небом очистилась. Исчезли среднеазиатское семейство, бородач, сосед с «дипломатом», вышедший впереди Шумера. Голуби, взлетев, расселись на карнизах вокзала. Спрятался за стекло двери милиционер.

Ансамбль, правда, остался. Квартет. Толстая скрипачка. Худой, уса́тый аккордеонист. Гитарист с испитым лицом. И саксофонист, окривевший, с распахнутым в пустоту изумительно голубым глазом.

Все в черных костюмах и светлых рубашках. Женщина – в черном платье с ярким плюшевым бутоном розы на груди. Она единственная сидела. Мужское трио полукругом стояло за ней. «Помоги мне, помоги мне...».

Похоронный оркестр.

Когда аккордеонист выдавил из клавиш последний аккорд, из-за осветительного столба стремительно вынырнул подтянутый мужчина в дорогом сером костюме и в пируэте подхватил Шумера под локоть.

– Очень приятно, что вы снова с нами!

Улыбка его сверкнула ровными отбеленными зубами.

– В кафе? – спросил мужчина и тут же себе ответил: – Разумеется, в кафе!

Шумер не сопротивлялся.

Мужчина повел его, приговаривая, как он рад такому визиту, безумно, безумно рад, он даже поспорил сам с собой, что тот случится на прошлой неделе, пора бы, и, представьте, сконфузился, проиграл, пришлось кукарекать под столом. А как иначе? Раз уж ты – человек принципа, то лезь и кукарекай.

Ку-ку! То есть, ку-ку-ре-ку!

Кафе «Чайка» встретила их затоптанным кафельным полом, плакатом, вещающим об опасности выхода на железнодорожные пути, и стойким запахом чего-то горелого.

– Не обращай внимания, – запанибратски сказал мужчина, шевельнув тонкими ноздрями.

Острыми серыми глазами он охватил полупустой светлый зал, полный свисающих с потолка липких лент, поморщился на пеструю компанию, звякающую стаканами рядом с прилавком, и выбрал угловой столик, с которого была видна платформа и – одновременно – вокзальный выход.

– Прошу!

Мужчина расстегнул пуговицы на пиджаке, водрузил локти на столик. В глазах его засветился живой интерес.

– Ну, как ты?

– Никак.

Шумер достал салфетку из стаканчика, обозначающего

наличие в кафе некоторого сервиса, и нарочито медленно обернул ее вокруг пальца.

– Понимаю, – кивнул мужчина. – Кто ж разговаривает на голодный желудок? Здесь, между прочим, варят сносные пельмени.

Шумер свободной рукой достал из кармана пальто всю ту мелочь, что у него была.

– Шесть рублей! – хохотнул мужчина, кинув взгляд на монеты. – Силен! В своем репертуаре. Ну, а я, так сказать, в рамках помощи перемещенным лицам, все же закажу тебе порцию за свой счет. Благодарности, понятно, не жду. Ну и сам поем. Ты, значит, никуда пока не уходи. Я мигом, ага.

Он быстрым шагом направился к прилавку и оттуда помахал Шумеру рукой. Крупная женщина в сером халате и в чепчике, айсбергом возвышающимся над зачесом, стала принимать у него заказ. Зажужжал кассовый аппарат.

Шумер отвернулся. За окном, вызвав легкое дрожание стекла, набирал ход привезший его поезд. Шумеру с тоской подумалось, что если выскочить из кафе прямо сейчас, то, наверное, получится догнать последний вагон. Благо там проводница, свесившись, выставила жезл с зеленым кружком.

– Скучно?

Мужчина оказался тут как тут, смотал длинную ленту пробитого чека и уложил ее в брючный карман.

– А я нам заказал водки, – сказал он со смешком. – Думаю,

под пельмени мы с тобой с удовольствием тяпнем рюмочку или две.

– Не пью, – сказал Шумер.

– Уже? – удивился мужчина. – Странно. Я помню, как в этом кафе ты устраивал водочный перформанс. В прошлый раз.

Он надвинулся, разглядывая Шумера. Тот, в свою очередь, слегка выставив подбородок, посмотрел собеседнику в глаза.

Мужчина фыркнул.

– Решительно настроен, да?

Лет ему было за сорок. Ухоженное, искусно вылепленное лицо можно было назвать волевым и аристократичным. Высокий, склонный к облысению лоб. Челюсть с благородной ямочкой на подбородке. Нос с горбинкой. Красиво очерченный рот. Качественно выбритые в салоне щеки с едва уловимым запахом дорогого одеколона. Безукоризненно ровные виски. Колючие, властные глаза, в которых то и дело разгораются опасные искорки.

Та же женщина, что принимала заказ, с каменным лицом принесла две порции дымящихся, политых сметаной пельменей, поставила тарелку с хлебом и баночку с горчицей, положила две вилки.

Затем принесла бутылку водки и два стакана.

– Ничего, что мы так, по походному? – спросил мужчина, свинчивая на бутылке колпачок.

Шумер пожал плечами.

– И-эх!

Водка плеснула в стаканы.

Пестрая компания за столиком у прилавка вдруг зашумела, обросла невнятными возгласами, кто-то кого-то схватил за воротник, кто-то сунул в пространство кулаком. Брызнула об пол и разлетелась осколками солонка.

Мужчина опрокинул стакан с водкой в себя, вкусно причмокнул и обернулся.

– Граждане! – сказал он громко. – Не нарушайте общественный порядок! Сейчас в темпе собрались и вышли. Накажу!

Стало тихо.

– Ой-е! – икнув, произнес кто-то.

Драка распалась, так толком и не начавшись. Небритые мужики, виновато шмыгая носами и оглядываясь на недопитое, потянулись в двери.

– Видишь? – спросил у Шумера мужчина. – Порядок!

Ответа он не услышал. Впрочем, похоже, это несколько его не взволновало. Подвинув к себе тарелку, он шумно втянул носом пельменный пар.

– Замечательно.

Мужчина взял кусок хлеба и столовым ножом намазал на него горчицы.

– Вообще, это глупо, – он с аппетитом откусил хлеб, – по моему, принципиальность лучше проявлять в другое время

и в другом месте.

Шумер повертел вилку.

– Наверное.

– Ага, – кивнул мужчина и изысканным жестом отправил в рот капающий сметаной пельмень. – Так какими судьбами к нам? – спросил он, прожевав.

У него все и без усилия получалось изысканно и вкусно. Даже наклон головы. Даже легкий, иронический изгиб брови. Грязь не приставала к рукавам, горчица не пачкала манжеты.

– Я должен, – тихо сказал Шумер.

Мужчина улыбнулся.

– Кажется, это в пятый раз. Нет, я еще понимаю, когда один, два раза. Третий тоже готов принять. Все-таки не простое число. Троица, триединство. Тримурти. Многие почитают. Но после третьей неудачи, наверное, можно было и остановиться! Куда дальше? Что за упорство? Четыре, кстати, много где не считается счастливым числом. И это был закономерный крах. Я думал, что окончательный и бесповоротный. Но нет, год и два месяца – и ты снова здесь. Мне уже становится интересно – это мазохизм такой?

Шумер вздохнул и проколол вилкой пельмень.

– Я пока не знаю.

Собеседник рассмеялся.

– А вот это восхитительно! Ты сегодня один? Или подготовил мне сюрприз?

Он проглотил один за другим два пельменя.

– Какой сюрприз? – спросил Шумер.

Мужчина вкусно, со вкусом куснул хлеб.

– Ну, подвижников, адептов, апостолов, психов. Кого ты там обычно собираешь на бой со мной? Это, кстати, не один из них?

Он вилок показал в окно. У входа в вокзал, там, где раньше курил милиционер, теперь стоял Петр. Судя по повороту головы, он смотрел на кафе.

– Нет, – сказал Шумер, – в этот раз я решил попробовать в одиночку.

– Ну и глупо, – сказал мужчина, слизнув языком сметану в уголке губ. – Я вспоминаю третий заход. Ты ведь там, кажется, целый состав обратил, да? Пятьдесят четыре на восемь... Это же четыреста с лишним человек!

– Это была ошибка.

– Ну, нет, почему? Ты попытался, ты был в своем праве. Люди тебе верили, шли за тобой, хотели чего-то большего. Да. Только ты не учел, что они изначально слабы. Просто по природе своей, по человеческой. Редко кто из человеческих особей способен на самопожертвование. А уж если самопожертвование несколько абстрактно и необходимо терпеть его изо дня в день...

Мужчина печально присвистнул.

Минут пять он задумчиво ел пельмени, не забывая мазать горчицей хлеб и подливать себе водки из бутылки. Гля-

дя на него, потихоньку занялся своей порцией и Шумер. Было вкусно, надо признать.

Ожил станционный громкоговоритель, и невнятные, громкие слова разнеслись над путями.

– Слушай! – сказал мужчина, промокая хлебом остатки воды и сметаны. – А ты не хочешь на них посмотреть?

– На кого? – спросил Шумер.

– На тех, кого ты здесь бросил, – сказал собеседник. – Не скажу, что жизнь их устроена, но с голоду не пухнут.

– Нет, – мотнул головой Шумер, – потом.

– Они ведь тебя любили.

Шумер склонился над тарелкой.

– Знаешь, – сказал мужчина, – я много думал на тему, чего в людях больше, к чему они охотнее тянутся, к добру или к злу, согласишься, сакраментальный вопрос, но без него никак. – Он почесал лоб мизинцем. – Даже для интереса счет вел. Каждый день в два столбика выписывал. В некотором роде с тобой соревновался.

– Победил? – глухо спросил Шумер.

– Не-а.

Шумер изумленно поднял глаза.

– То есть, как?

Мужчина бросил в рот последний кусок хлеба.

– Ты не удивляйся, ты тоже не победил. Победили се-
рость и безразличие. Да, для меня это тоже было открытие.
Люди, в массе своей, оказались серы и безразличны. Чтобы

сдвинуть их в ту или иную сторону, как я понимаю, и тебе, и мне приходится прикладывать прорву не всегда окупающих усилий.

– Мои – окупаются, – сказал Шумер.

Мужчина расхохотался.

– Вот чего мне не хватало! Твоей самоуверенности и безапелляционности! Эх, были бы они хоть на чем-то основаны, кроме слепой веры. Впрочем, я о чем? Помнишь же постулат, что якобы дьявол ограничен в средствах и вынужден добиваться того, чтобы человечество губило себя самостоятельно, своими же руками? В том смысле, что он – не действительно участвующая сторона. Ну, как? Там подтолкнуть, здесь – уронить зерно сомнения, где-то настроить или шепнуть вовремя сладкую мысль, но все остальное человек делает сам, сам зло в душе растит, сам его лелеет, сам генерирует в окружающую среду.

Он вылил в стакан остатки водки.

– А потом я подумал: разве с противоположной, твоей стороной не так? И, представь, по зрелому размышлению оказалось: так! Она тоже ограничена, ей тоже требуется, чтобы человек самостоятельно выбрал, скажем так, путь совести и добра и следовал ему. В светлом уме и здравой памяти. А все почему? Потому что человек из равнодушной чушки способен прорасти только сам, мы же лишь призваны раздуть тот огонек, что в нем зародится, и никак иначе. Ну, может еще затушить, если огонек нам не нравится. Нет,

я согласен, периодически мы в силах... Вот как ты в третью свою попытку с целым пассажирским воинством. И что вышло? Пшик! Растворилось твоё воинство, потерялось в прямом и переносном смысле. Поэтому я предпочитаю тонкие, точечные, почти гомеопатические воздействия. И ты знаешь, ничего не приходится потом исправлять. Человечки сами с собой делают все остальное.

Мужчина одним глотком осушил стакан.

– Я хочу это изменить, – сказал Шумер.

Его визави улыбнулся широкой, открытой улыбкой.

– Всегда пожалуйста. Мне нравится наше противостояние. Не пойми меня неправильно, но я смотрю на твои усилия, как старший, более опытный и более искушенный коллега. У тебя ничего не получится.

Шумер отставил тарелку.

– Спасибо.

Собеседник сморщился.

– Давай без упоминания в сущности нашего общего знакомого. Можно было не говорить ничего. В конце концов, это мелко. Не пристало твоей стороне.

Шумер выдавил кривую улыбку.

– Тогда, вот.

Он подвинул монеты к мужчине.

– Н-да, – посмотрел на них тот, – не тридцать сребренников. Но я, знаешь, не брезгую даже малыми капиталовложениями.

Мужчина переправил монеты в карман пиджака.

– Тем более, ты почти ничего не съел. Будешь еще? – спросил он, указывая на тарелку.

– Нет, – сказал Шумер.

– Что ж, – мужчина аккуратно придвинул порцию к себе. – Так какие у тебя планы? Или я лезу не в свое дело?

– Пока никаких.

– Неужели? – Собеседник Шумера разглядывал пельмени, словно искал в них гармонический порядок. – То есть, мне не готовиться?

Шумер пожал плечами.

– К чему?

– К тебе.

– Я еще не определился.

– Ты ехал вообще без плана? – удивился мужчина. – Знаешь, скажу тебе, это никуда не годится. Ни плана, ни апостолов. Куда ты катишься? Это, друг мой, получается, в твоём неприглядном лице прибыло в Пустов вырождение идеи. А где боевой задор? Где исступление? Где румянец? Где люди с твоим именем на устах?

– Тебе же проще.

– Это как посмотреть. За тобой теперь придется приглядывать в оба глаза.

Шумер отступил от столика.

– Моя квартира цела?

– Разумеется! Полы вымыты, герань полита. Шучу.

Мужчина поднял тарелку на уровень глаз. Взгляд его из-за нагромождения пельменей был лукав.

– Уже уходишь? – спросил он.

– А что?

– Смотри, как могу!

Мужчина наклонил тарелку и раскрыл рот. Сметана, вода из-под пельменей, сами пельмени плеснули ему в лицо, брызнули на шею и ворот рубашки, пролились вниз потоком, оставляя мокрые пятна на дорогом костюме.

Всего два пельменя успели попасть по назначению – в глотку.

– Зачем? – спросил Шумер, глядя на застывший на носке кожаной туфли кружок теста.

Выкидыш мяса потерялся где-то на полу.

– Потому что могу! – мужчина прожевал пельмени и захохотал, вытирая нос и губы рукавом. – Представляешь? – Он раскинул руки. – Могу! И хочется!

– Счастливо оставаться.

Шумер толкнул двери. Небритая личность снаружи преградила ему путь, на носках заглядывая за спину.

– Этот там? – прохрипела она.

– Там, – кивнул Шумер.

– Вот урод.

Личность, сплюнув, полезла через ограду к липам и угрюмым собутыльникам, но, зависнув в интересном положении, обернулась.

– Слышь, а у тебя деньги есть? – спросила она Шумера.

– Нет.

– И ты – урод, – констатировала личность и шлепнулась по ту сторону ограды. – Здесь без денег – никуда, запомни.

– Я знаю, – сказал Шумер.

Под бдительным взглядом милиционера он пронзил вокзальное помещение насквозь и вышел в город. У широкого тротуара стояли автомобили-такси. Через площадь пестрел журналами киоск печатной продукции. Рядом с ним, как произведение авангардного искусства, тянула вверх и заплетала там, вверху, стальные стойки автобусная остановка. Тут же на рекламном щите Киркоров приглашал на свой концерт в местном ДК.

Шумер вздохнул по отсутствию денег. Без них, конечно, никуда. Но можно ведь и пешком? В ответ на собственный, не высказанный вслух вопрос он пересек площадь наискосок и пошел, забирая влево, дальше, по разбитой асфальтовой дорожке мимо общежития, мимо ларька, распространяющего запах свежей выпечки, мимо длинного бетонного забора, охраняющего груды кирпичей и остов недостроенного здания.

Здесь часто ходили.

Шумер шагал и считал окурки, бумажки и фантики, лежащие по сторонам дорожки. Затем нашел пакет и стал прибирать мусор в него. Сгибался и разгибался, скидывая в полиэтиленовое нутро пивные крышки, обертки, горелые спич-

ки, наклейки, кофейные стаканчики, скомканные мини-упаковки сока, салфетки и даже собачье дерьмо.

Его никто не видел. Он делал это для себя.

Очистив метра три квадратных, Шумер почувствовал себя гораздо лучше. Оглянувшись, он с удовольствием отметил, насколько ухоженными стали эти метры. Конечно, бросать такое занятие сейчас не стоило. Три метра – это слишком мало. Тем более, для него.

Шумер улыбнулся и, кланяясь каждой мелкой гадости, пошел по дорожке обратно. Глаза замечали, пальцы работали как клешни.

Пакет все принимал безропотно. Обрывки билетов и талонов, презервативы, какую-то пластиковую чешую, снова пивные крышки, целлофан, мокрую, расползающуюся газету, кстати, местную, «За чистый Пустов!», кукольную голову и резиновое колесо от игрушечной машинки – все исчезало в нем, словно в бездне.

Добравшись до ларька с выпечкой, Шумер повернул снова и под изумленным взглядом сидящей внутри продавщицы принялся собирать мусор по другую сторону дорожки. С каждым шагом ему все больше хотелось жить и бороться. Возможно, это было следствие внезапной трудотерапии.

– Эй! Эй! – высунувшись в окошко, окликнула его продавщица. – Ты новый уборщик что ли?

– Нет, – сказал Шумер, разгибаясь. Он поднял руку почесать нос, но увидел черные, в ранках порезов пальцы и пере-

думал. – Это я для себя.

– Как для себя? – опешила продавщица.

Она была женщина пожившая, всякие дела «для себя» у нее прочно ассоциировались с домашней обстановкой, телевизором и отдыхом в Турции.

– Хочется пройти по чистой дорожке, – объяснил ей Шумер.

– Ха! Все равно загадят.

– Уберу снова, – улыбнулся он.

– Делать нечего, – проворчала продавщица. – Спину продует – увидишь. Или вон на шприц напорешься. Здесь этого добра много.

– А я уже.

Шумер показал ей каплю, выступившую на кончике пальца.

– Тьфу на вас!

Продавщица скрылась в глубине ларька. Шумер пожал плечами.

Он работал где-то с час, складывая в пакет все то, что люди беспечно побросали на землю, проходя дорожкой к вокзалу или от него. Ему думалось, что некоторые мусорили от того, что в их семьях это считалось нормальным, а другие – от самой возможности намусорить.

Шумер остановился. А я не верю в людей, вдруг осознал он. Не верю. Потому и без апостолов. Да, над этим надо работать. Поле непаханое. Только это должно быть обоюдное

стремление. Взять хотя бы Диму из вагона...

Он поволок пакет, нисколько не увеличившийся в размерах, к стоящему на углу в кирпичной выгородке контейнеру и перекинул через заляпанный железный край. Уже внутри контейнера пакет треснул, будто перезревший арбуз. Бумм! Окурки, бумажки, прочая дрянь ударили из него по стенкам, вспухли небольшой грязной горкой.

Шумер оглянулся. Чистота!

Да, тот же Дима – не совсем пропащий парень, способный, оказывается, на поступок, пусть и мальчишеский, детский, от обиды. А не спаси он его от рыжего Коли и «Жана Габена», сделал бы тот широкий денежный жест? И чего в жесте было больше – позерства или все-таки излома, проявления души?

Вопрос. Надо работать.

Шумер пересек улицу. Район в виду близости железнодорожных путей и кладбища дальше, к северу, не пользовался популярностью ни у застройщиков, ни у агентов недвижимости. Деревянные дома еще советских времен теснились здесь друг к другу, словно до последнего решили держаться вместе. Выступали единым фронтом против времени и неуклонных перемен. Возможно, полагал Шумер, однажды их всех утянет за собой грозный очищающий и быстрый пожар. Общие дворы с бельевыми веревками, натянутыми на столбах, лавки, щелястые заборчики, выводок низких, крытых рубероидом гаражей.

Заводской переулочек.

Шумер углубился в толчею домов, в мир шелушащейся коричневой краски, дощатых мостков, ржавых ящиков для песка, выцветших, тридцати-сорокалетней давности картинок на торцах, предупреждающих об опасности пожаров и спичек у детей.

Звонить 01!

Здесь жили, в основном, старики и старухи. Они глядели из окон, как с фотографий, как из прошлого, некоторые, несмотря на незадавшуюся весну, сидели на скамейках у подъездов, кутаясь в старые пальто, обмотанные платками.

– Здравствуйте.

Шумер прошел к дальнему подъезду.

– Здрасьте, здрасьте, – закивали старухи. – А вы к кому это, молодой человек?

– К никому. В пятнадцатую, – обернувшись назад, показал ключ на шнурке Шумер.

Одна из старух встала.

– Вы смотрите, – затрясла она пальцем, – это квартира не ваша! Жильцы ее померли, а сын у них был – исчез.

– Я – сын, – сказал Шумер.

Старуха подслеповато взгляделась. Пальцы ее сложились троеперстием.

– Свят, свят! – перекрестилась она.

– Не похож? – спросил Шумер.

– А Бог знает!

– Вы лучше скажите, как родителей звали, – предложила простой тест другая старуха. – А то мы милицию вызовем.

Шумер улыбнулся.

– Андрей Всеволодович. Зинаида Карповна.

Старухи переглянулись.

– А Зина-то разве Карповна была?

– Так откуда ж я знаю? Зина да Зина.

– Ну уж никак не Карповна.

– Скажи еще – Егоровна.

Шумер, впрочем, их спора уже не слышал – открыв скрипучую подъездную дверь, он шагнул на лестницу, пробежал по крашенным ступеням, хватаясь за толстые перила и ловя ноздрями знакомый с детства кисловатый запах.

Так, справа – шестнадцатая.

Дверь слева была такой, какой он всегда помнил. Высокая. Крепкая. Коричневая. С продольными трещинами в филенке, появившимися, когда отцов брат, дядя Олег, попытался по пьяни взять квартиру штурмом. Плечо, кажется, отбил. И еще милицию вроде бы вызывали. Там было форменное буйство.

Шумер вставил ключ в замочную скважину, провернул два раза, слушая замедленную реакцию механизма. Крак-так.

Появилась небольшая щель, дальше пришлось толкнуть.

На мгновение Шумеру привиделась тень деда, проплывшая через коридор из комнаты в кухню, он услышал приглу-

шенный звон чашки о блюде, почувствовал запах выпечки, уловил даже мягкий бабушкин говорок, но стоило ему шагнуть с площадки внутрь, в квартиру, как и звуки, и запахи оборвались, сумрак сгустился, и только у простенка острым углом обозначился врезавшийся в половицы серый дневной свет.

– Здравствуйте, – сказал Шумер пустоте.

Он прикрыл дверь и застыл, вбирая в себя темноту и покинутость квартиры. Провел рукой по обоям и от тумбочки, от вешалки и антресолей над головой повернул к зеркалу. В его памяти где-то здесь был выключатель. Пальцы нащупали пластиковый пупырышек.

Щелк!

Темнота так и осталась темнотой – лампочка из патрона в коридоре была выкручена. Шумер, впрочем, не помнил, чтобы делал что-либо подобное. Кто-то заходил? Кто-то производил ревизию? Или это тени деда и бабушки заботливо предохранили дом от замыкания и пожара?

Он вернулся к тумбочке, выдвинул ящичек и среди расчесок, бутылочек лака и тюбиков помады нащупал продолговатый округлый предмет.

Ага.

Потолки были высокие, по большому счету, необходима была стремянка, на стуле или табурете едва ль дотянешься, поэтому Шумер посчитал возможным просто взмыть вверх и с минуту повисеть у короткого провода, вкручивая лам-

почку в патрон.

Как архангел я висю...

Следующая попытка включить электричество оказалась успешной. Лампочка вспыхнула желтым светом, отбросив тьму в углы, за комод, в комнаты. Шумер обежал взглядом пустую вешалку, старые газеты на полу, покосившуюся стопку из нескольких перевязанных веревкой журналов «Новый мир» и принялся разуваться. Отражение в зеркале копировало его движения.

– Что ж.

Оставшись в носках, Шумер первым делом прошел на кухню. Половицы поскрипывали под ногами, словно примеряясь к весу нового жильца. А, может, вспоминали, кто он, что он, передавая по цепочке кодированную информацию.

Белела печь. Стол под желтой скатертью у окна украшали трупики мух. Они лежали в чашке и в блюде, и так, живописными изюминами, там и тут. Штук двадцать. Шумер подставил помойное ведро и вытряхнул их со скатерти. Выдвинул крепкий стул со спинкой, сел, представляя, что так же, лет десять назад, на нем, сутулясь, сидел отец, а до него дед, и это было исключительно мужское место, ни бабушка, ни мама никогда его не занимали, довольствуясь противоположным краем.

За двойными стеклами темнел двор, полный мокрой земли, и виднелась огораживающая этот двор часть забора.

Шумер поежился, стукнул по столу подушечками пальцев

и решил топить печь.

Несколько сухих поленьев с прошлого года ютились здесь же, на жестяном, набитом на половицы языке. В банке из-под кильки лежали спички.

Шумеру до сих пор было удивительно, как это на втором этаже поместилась печь. В детстве ему все хотелось сходить вниз и посмотреть, является их печь продолжением соседской, с первого этажа, или все же представляет собой самостоятельный агрегат. Но он так что-то и не собрался. По сей день – тайна великая.

Печь была узкая, ступенчатая, лежать на ней было нельзя, но Шумер помнил, как на ней сушились мокрая от снега одежда, варежки, валенки, шапки. В узком пространстве между печью и стеной хранились в полотняных мешках сухари и сухофрукты, а на подвешенных к потолку жердях бабушка часто развешивала полотенца и короткие простынки.

Сложив в печной зев три полена, он вернулся в коридор, собрал газеты, затолкал к поленьям растопкой, открыл дымоход. Огонь разгорелся быстро. Печь защелкала, задышала, где-то в глубине ее что-то звонко сместилось. Не кирпич ли вывалился? Шумер подождал, не обрушится ли вся печь вниз, затем закрыл заслонку, вздохнул и, прихватив эмалированное ведро, пошел за водой.

Воду надо было набирать на колонке.

Спускаясь по лестнице, он думал, неужели живущие здесь старики и старухи так же ходят с ведрами? Тяжело ведь. А ес-

ли помыться надо? Постирать? Таскают по пять-шесть ведер? Или не стирают и не моются? Нет, он помнил, как они с отцом каждую пятницу шагали по черной, угольной улице в баню и – спустя помывочный час – обратно, помнил, что горячая, особенно летом, была не всегда, а еще – что дни чередовались – мужские и женские.

Но ведь не всегда можно дождаться до пятницы. Пришел грязный и ждешь, о штаны ладошку вытираешь? Ау, пятница.

Старухи сидели на лавочке, будто прибитые.

– Бабушки, – обратился к ним Шумер, – а как вы воду здесь набираете?

– А к колонке ходим, – отозвалась та, что еще перекрестилась, не узнав его. – Ты иди, милоч, через улицу, там красный сарай...

– Бордовый, – перебила ее другая, подозрительная старуха.

– Красный, – не согласилась первая. – Ориентиром там еще ларек заколоченный, к нему иди, а с обратной стороны сарая колонка как раз и будет.

– Я знаю, – улыбнулся Шумер.

– Так и чаво тогда спрашиваешь? – ворчливо отозвалась третья старуха.

Они были похожи на трех древних сестер, у которых когда-то, за глаз, выведаль дорогу к Медузе Персей. Грайи, вспомнил Шумер, их звали грайи.

– Я хотел спросить, – сказал он, – как вы-то воду берете? Ее тут не развозят?

– Милок, – сказала первая старуха, – кому оно надо? Мы вот с Ириной Трофимовной и Анной Викторовной по очереди с бидончиком трехлитровым на колонку ходим. Петр Петрович из третьей с баночкой ходит, а Светлана Павловна из восьмой с бутылкой из-под лимонада. Андрей Федорович из шестой, он помладше, правда, бывает, и с ведром. Только лежит потом дня два в лежку.

– Ясно, – сказал Шумер. – Я могу принести, если кому надо.

Старухи уставились на него.

– Это как?

– Мне не трудно, – улынулся Шумер. – Если в каждую квартиру по ведру, то всего шестнадцать ходок. За час управлюсь.

– У нас три... две квартиры-то пустуют, жильцов давно не было.

– Значит, четырнадцать ходок, – сказал Шумер. – А если найдется еще одно ведро, то и по два можно каждому.

– Ох, – сказала одна старуха. – Постой-ка, милочка.

Поднявшись с лавочки, она зашаркала к подъезду. Вторая старуха, сбив пуховый платок с седых волос, отправилась за ней следом.

– Никитичну предупрежу.

– А я здесь останусь, – сказала третья. – Послежу.

Она скрестила руки на животе и уставилась на Шумера, ни коим образом не собираясь, видимо, спускать с него глаз.

– И откудова ты такой добрый?

– С поезда.

– С поезда, – покивала старуха. – Неприкаянный что ль?

– Наверное, – сказал Шумер.

– У нас здесь воровать нечего!

– Да разве я по этому делу?

– По этому, по этому! На себя посмотри, мил человек! – с укором сказала старуха. – Натуральный этот, любитель прикарманить что ни попадя. Еще небось ограбил кого по пути и к нам подался, на старые адреса.

– Я же воду...

– Ага-ага. Знаем. По квартирам пройдешь, посмотришь где что, приценишься. А ночью в окна полезешь.

Шумер улыбнулся.

– Вы вот прям насквозь меня видите.

– Глаз такой, – кивнула старуха. – Я ж раньше контролером приемки на заводе работала. И в людях гнильцу примечать тоже научилась.

– Значит, я с гнильцой?

Старуха прищурилась.

– Ну-ка, отступи на шаг.

Шумер отступил.

– Нет, – помедлив, качнула головой она, – все же не скажу. Не с гнильцой, с трещиной. Тоже, как ни крути, брак.

– Есть такое, – признал Шумер. – Но в окна-то не полезу?

– А бог тебя знает, – ответила старуха. – Ну-ка, отступи снова.

На всякий случай Шумер даже повернулся перед ней, отставляя ведро в сторону.

– Нормально?

– Странный ты, – сказала старуха. – Улыбаешься.

– А что делать?

– Нет, вроде не злой человек, не злой. Переломанный. Сам себя изломал. Сам и маешься, собрать себя не можешь.

– Обстоятельства, – тихо сказал Шумер.

Старуха вздохнула.

– У кого их нет?

Они помолчали. Шумер стукнул ведром по бедру.

– Так вам воды-то надо?

– А как же! Ты только начинай с первых квартир. Я сама с девятой, – старуха с кряхтением встала, – пойду хоть, куда перелить, приготовлю. Но мне бы, конечно, не два, а четыре ведра было в самый раз.

– Хорошо, – сказал Шумер.

– Ну и ладно.

Старуха, шаркая, скрылась в подъезде, уступив место той, что уходила за ведром. В этом виделась некая преемственность.

– На-ко, милоч.

Ведро было грязное, с мазком краски на боку.

– Из-под картошки, – пояснила старуха. – Ополоснешь под колонкой, ничего с водой не станется.

– Хорошо, – сказал Шумер. – Я пойду по порядку.

– Красный сарай, – напомнила старуха.

Деревянные мостки вывели его за ограду.

По обочинам насыпной дороги валялись кора и щепки, здесь, видимо, все еще ходили лесовозы. Год назад на его памяти лесозавод был на грани закрытия, но, возможно, банкротство отсрочилось. Шумер пересек насыпь, прошел между темно-серых бесхозных дровяников. Над рубероидными крышами проплыл гудок, намекая на близость железнодорожной колеи. В пустоте между домами даже мелькнул тепловоз.

Красный сарай, поджатый сбоку ларьком – низким, дощатым сооружением, выкрашенным в бледно-голубой цвет, открылся ему, едва он взял от дровяников левее. Обойдя сарай, Шумер обнаружил с тыльной стороны помост и торчащую из стены трубу под шиферным козырьком. Над трубой имелся пульт с двумя кнопками – красной и черной.

Шумер поставил ведра.

Помост был мокрый. С него, похоже, кто-то только что набирал воду и сделал это не слишком аккуратно. Качнув головой, Шумер нажал черную кнопку, и через секунду из содрогнувшейся трубы с шипением рванула вниз тугая струя. Мимо! Холодные брызги полетели в стороны, дробясь о жестяную кромку, и Шумеру пришлось срочно исправлять ава-

рийную ситуацию, центруя ведро ботинком. Тут же насквозь промокла штанина, а затем и рукав.

Помост сделался еще мокрее.

Торопливо вдавленная красная кнопка прекратила гул и течение воды. Шумер ошалело вытер мокрый лоб. Блин, ничем не лучше предыдущего водоноса.

Он фыркнул. В ботинке противно жамкался залитый носок.

Из своего ведра Шумер зачерпнул воду ладонью, сполоснул переданное старухой ведро, вылил грязь в песок. Под помостом уже лужица образовалась, вытянула тонкие веточки ручейков под уклон.

Вторая очередь! Шумер снова включил воду. Ему сделалось весело.

В этот раз получилось куда как лучше. Ведро было поставлено в нужную точку, и красная кнопка, останавливающая струю, нажата вовремя.

Ух, хорошо!

Шумер с ведрами сбежал по короткой лесенке. Навстречу ему из домов по эту сторону насыпи катил тачку с флягой бодрый усатый дедок.

– Здрасьте, – сказал ему Шумер.

– Ох ти ж, вежливый, – удивился, останавливаясь, дедок. – И тебе не хворать, – крикнул он вдогонку.

– Постараемся!

Шумер перемахнул через дорогу и зашагал по мосткам.

Какая-то гнусная щепка с обочины попала в ботинок и принялась обжигаться на новом месте, тесня пятку. Шумер поболтал ногой на ходу. Вот, зараза.

Мимо, обдув спину теплом и запахом натруженного двигателя, проехал автобус и скрылся из виду в оглушительном скрежете коробки передач.

– Сюдо-ть.

Одна из старух, зазывая, стояла у подъезда.

– Сейчас.

Шумер остановился и вытряс щепку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.